

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

— АЛМАЗЫ ЦИРЦЕИ —

ЕСТЬ ПТИЦЫ, ПОЮЩИЕ ЛИШЬ В ТЕМНОТЕ, И ТАЙНЫ, КОТОРЫЕ НЕ ВЫНОСЯТ СВЕТА

Анна Малышева

Алмазы Цирцеи

«АСТ»

2010

Малышева А. В.

Алмазы Цирцеи / А. В. Малышева — «АСТ», 2010

ISBN 978-5-17-067664-4

В старинном панно, созданном величайшим фламандским мастером, заключена тайна, способная убивать. Художница, купившая панно на аукционе, осознает это все яснее по мере того, как гибнут люди из ее окружения. Но она и сама готова перешагнуть через смерть. Слишком высоки ставки и заманчив призрак огромного богатства, вдруг оказавшегося на расстоянии вытянутой руки...

ISBN 978-5-17-067664-4

© Малышева А. В., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Малышева

Алмазы Цирцеи

Глава 1

Елена второй месяц работала в этом большом отеле на Садовом кольце, но до сих пор каждый вечер являлась на работу с замирающим сердцем, спрашивая себя – не сон ли эта новая жизнь, не мерещится ли ей недавно выстроенное шестиэтажное здание из голубого стекла, стали и бетона? Она поступила сюда на должность помощника ночного администратора, поступила очертя голову, наудачу, только бы порвать с прошлым, резко переменить судьбу.

Первое время женщина пребывала в состоянии непроходящей паники. С девяти вечера до девяти утра она решала десятки вопросов, которыми прежде ей не приходилось задаваться. Как, например, успокоить недовольного постояльца, получившего номер окнами на шумный проспект, а не в тихий двор, при условии, что номера окнами во двор все заняты, а он бронировал именно такой? Свалить ли вину на клерка, неправильно оформившего бронь? Извиниться и предложить скидку? Послать в номер шампанское и коробку пирожных, уверяя, что это прискорбное недоразумение никогда впредь не повторится? Требовалась фантазия, такт, умение выслушивать обидные вещи с самым внимательным видом, не теряя при этом достоинства.

– Тебе помогает то, что ты симпатичная, – просветила ее Вера, старшая горничная, также работавшая в ночную смену.

Женщины успели сдружиться и уже пару раз выручали друг друга в сложных ситуациях. Вера, далеко не новичок в своем деле, давала неопытной приятельнице множество ценных советов. Она держалась так, будто была намного старше, хотя женщины оказались ровесницами. Елена в свои тридцать два года чувствовала себя почти девчонкой перед наставницей.

– Мужчины быстро успокаиваются, если перед ними начинает извиняться хорошенькая женщина, – авторитетно продолжала старшая горничная. – Ну а недовольным дамам бывает достаточно прислать симпатичного официанта с шампанским и пирожными за счет отеля.

– Если бы всегда хватало пирожных! – вздохнула Елена.

На днях, в период майских праздников, когда отель был забит до отказа, произошел инцидент, после которого она перестала думать, что ей так уж повезло с должностью.

В одноместный двухкомнатный люкс на шестом этаже заселилась дама лет пятидесяти, прибывшая из Петербурга. Коридорный, отвозивший в номер тележку с четырьмя большими кожаными чемоданами, на обратном пути подмигнул проходившей мимо Вере и сообщил, что дама дала ему большие чаевые, чемоданы у нее – от Луи Виттона, настоящие, и вообще она «озверенски шикарная сучка»! Случившаяся тут же рядом Елена одернула парня, предупредив его, что он должен оставить при себе свое мнение о постояльцах и не высказывать его так громко, да еще в стенах отеля. Парень, подрабатывавший по ночам студент престижного вуза, будущий маркетолог, ответил ей дерзостью. Елена, вспыхнув, пригрозила донести начальству, что Сергей, как ей точно известно, вступал в интимные отношения с клиенткой, месяц назад проживавшей в люксе на пятом этаже.

– Здесь, Сережа, не бордель! – зловещим шепотом заключила она отповедь. – Еще одна попытка подработать таким образом – и ты вылетаешь на улицу!

Парень замолчал и покатил к грузовому лифту опустевшую сверкающую тележку. После этой стычки он игнорировал Елену и откликался на все ее обращения и просьбы крайне неохотно. Но это было пустяком по сравнению с тем, что случилось на вторую ночь после приезда дамы из Петербурга.

До часу ночи все происходило в обычном режиме. Схлынула одна волна постояльцев, прибыла другая. Клиенты поднимались в номера, переодевались, спускались в ресторан, выходили в город, возвращались... Большой отель никогда не спал, в коридорах постоянно слышались шаги, голоса, мелькали лица, которые память Елены уже моментально делила на знакомые – то был персонал, и незнакомые – гостям она дежурно улыбалась. Но вот во втором часу ночи в этом хаотичном и все же упорядоченном течении жизни произошел сбой.

Она как раз находилась на шестом этаже и краем уха уловила необычно громкие голоса в одном из люксов. Прислушавшись, Елена поняла, что это работает телевизор. Он был включен на немыслимую громкость, и женщина в панике бросилась на звук. Ей без труда удалось вычислить номер – 617, тот самый люкс, куда заселилась «озверенски шикарная» дама из Петербурга. Елена решительно постучала, не получив ответа, повторила попытку. В коридор вышел мужчина из соседнего номера. Вид у него был ошалевший, он кутался в купальный халат и приглаживал взъерошенные после сна волосы.

– Что это? – спросил он, увидев форменный пиджак Елены с эмблемой отеля.

Она умоляюще улыбнулась, продолжая стучать.

– Одну минуту... Сейчас я все выясню. Откройте! – Не выдержав, женщина повысила голос и с силой подергала ручку.

Ей казалось, что за дверью происходит некое движение, хотя оглушительные голоса, раздающиеся из телевизора, перекрывали все. Она метнулась к стойке портье, но там, как на грех, никого не оказалось. В ночное время дисциплина в отеле заметно падала, служащие частенько отлучались со своих постов, и в этом была одна из трудностей ее новой работы.

– Что за безобразие! – Постоялец с перекошенным лицом наблюдал за ее бесплодными попытками достучаться в номер 617. – Я еду в аэропорт в шесть утра, собирался выспаться, а тут...

– Откройте, или я позову охрану! – крикнула Елена.

На этот раз она действительно различила нечто, кроме воплей спортивного комментатора. Как будто прямо за дверью кто-то тонко и жалобно подвывал – не то человек, не то испуганное животное. В этом звуке было что-то запредельно несчастное, и Елена содрогнулась, еще не понимая отчего. На ее счастье, на шум прибежала Вера.

– Чего ты ждешь? – бросила она подруге, разом уяснив ситуацию. – Зови Никиту! Или лучше я сама! – И выхватила из кармана передника телефон.

Спустя минуту прибежал запыхавшийся охранник. Для порядка постучав в дверь, он достал универсальный ключ и отпер ее. Елена первой переступила порог и, ни на что не оглядываясь, бросилась к телевизору и выдернула вилку из розетки. Наступившая тишина показала всем оглушительной.

Комната была пуста, но все в ней говорило о недавнем присутствии человека. В пепельнице на столе дымилась тонкая сигара, наполовину превратившаяся в столбик пепла. Рядом стоял хрустальный бокал, на треть наполненный янтарной жидкостью. Тут же красовалась початая бутылка дорогого французского коньяка. Везде – на креслах, на диване, на ковре – валялись скомканные, измятые вещи. Казалось, кто-то вытряхнул все содержимое чемоданов, загромождавших проход в спальню, и долго рылся в тряпках.

– Извините! – довольно агрессивно обратилась Елена в сторону спальни, темной и безмолвной. – Я должна вам кое-что сказать!

– Она в ванной! – прервал ее испуганный шепот Веры. Старшая горничная указывала на закрытую дверь, сквозь матовое стекло которой лился смягченный золотистый свет. – Я уже стучала, не открывает!

Тут ничем не помог бы и Никита. Дверь ванной нельзя было открыть универсальным ключом, она запиралась только изнутри. Елена, предчувствуя что-то совсем уж недоброе, подошла и нажала ручку. Та не поддавалась.

– Придется дверь ломать, – тихо сказала она.

В ответ раздался ужасающий пронзительный вой, и на этот раз Елена не сомневалась – это человек. Но что могло до такой степени напугать состоятельную бизнес-леди в тщательно охраняемом отеле? Елена видела ее лишь раз, и тогда лицо гостьи, беспощадно заколотое ботоксом, не выражало ровно никаких эмоций. В ее ушах сверкали крупные бриллианты, она раздавала большие чаевые, ее чемоданы внушили уважение даже циничному мальчишке-коридорному. Она заказала себе в номер вегетарианский ужин три часа назад, поздно вернувшись из города. Вот и все, что знала о ней Елена. По ее мнению, дама являлась самым воплощением материального успеха. Неужели это она так истошно вопила, забившись в ванную комнату, прячась там неизвестно от кого?

Ночного администратора, которому формально подчинялась Елена, на месте не было. Собственно, его не было по ночам в отеле вообще никогда. Эта должность являлась неким мифом, но некто получал за нее совсем не мифические деньги. Елена же, являясь подчиненной, самостоятельно должна была решать все. Сейчас на нее выжидающе смотрели Вера, Никита и окончательно проснувшийся постоялец из соседнего номера.

– Никита, ломай! – приказала она охраннику.

Тот налег плечом на дверь, покраснел, поднатужился... Хрустнул замок, ахнула Вера, первой заглянувшая в образовавшуюся щель. Елена, опомнившись, обернулась к постояльцу:

– Прошу вас, вернитесь в свой номер! У нас тут небольшое недоразумение...

Но тот не собирался уходить и вряд ли вообще что-то услышал. Мужчина не сводил глаз с жалкого, затравленного существа, жавшегося в углу ванной, под раковиной, среди кучи сорванных полотенец. Существо корчилось и вопило, словно терзаемое сотней бесов, его неестественно огромные глаза были пугающе яркими и мало походили на человеческие. Такие глаза-блюдца рисуют принцессам маленькие девочки, еще незнакомые с законами анатомии. Увидев толпившихся в дверях людей, существо под раковиной окончательно потеряло рассудок от ужаса и попыталось покончить с собой, намотав на жилистую худую шею поясok от халата и крепко затянув его концы трясущимися руками.

Елена, совладав с первым испугом, с помощью Веры и Никиты предотвратила несчастье. Они перетащили упиравшуюся женщину, которой бог знает что мерещилось, в комнату, силком уложили ее на диван, и пока Вера прикладывала ей ко лбу холодный компресс, а Никита выдвоял из номера сбежавшихся на шум зрителей, Елена вызвала «скорую». Врач навскидку определил приступ белой горячки и поздравил персонал с тем, что они успели предотвратить попытку самоубийства.

– Им в этом состоянии мерещатся всякие черти, и они на все готовы, только бы «спастись», – пояснил он. – Она из этой бутылки пила? Немного приняла, грамм сто... Потому, видно, все и случилось. Выпила бы больше, легла бы себе спать.

– Она не похожа на алкоголичку, – растерянно проговорила Елена. Больную уже несли на носилках, предварительно вколов ей несколько ампул лекарства. Она стонала, обводя стены померкшим взглядом и с ненавистью косясь на санитаров.

– А я каждый день таких красавиц откачиваю, – махнул рукой врач, продолжая быстро писать на бланке. – Денег у них полно, так что не живет-то, спрашивается?

Дама вернулась через трое суток, поздно вечером, когда Елена уже заступила на смену. Она выглядела все такой же замкнутой, холодной и благополучной. О случившемся не было сказано ни слова. Дама оплатила счет, оставила чаевые и отбыла со своими чемоданами как ни в чем не бывало. Но Елену уже не обманывал ее корректный вид. Теперь она замечала то, что ускользнуло от ее внимания раньше, – отсутствующий взгляд гостьи, ее неестественно прямую спину, вялую речь. Она будто спала наяву, и ее глубокое равнодушие к окружающему миру можно было объяснить неврологическим расстройством.

– Часто такое тут бывает? – спросила Елена у Веры, когда клиентка, доставившая всем так много хлопот, уехала.

– А ты не жалуйся, – прищурилась та, радуясь случаю дать очередной совет. – Дамочка ничего особенного не натворила. Пошумела немножко, и ау! Я на своем веку видала таких, которые поджигали номер, били стекла, да и с ножом на персонал кидались, бывало... Нет, не здесь, тут еще ничего не случилось, это же совсем новый отель, чистенький, без прошлого! А я десять лет проработала в «России», вот там навидалась... И ты еще насмотришься, привыкнешь. Главное – не теряйся, помни, что они тебя не съедят!

Новая приятельница любила давать советы, но Елена впервые в жизни была за это благодарна собеседнице. Она в самом деле нуждалась в поддержке. Даже если ночь проходила спокойно и ничего не случилось, она все равно ощущала стресс. У нее пропал аппетит, зато все время хотелось спать. Возвращаясь домой часам к одиннадцати утра, Елена зарывалась в постель, накрыв голову подушкой, чтобы не слышать дневного шума многоквартирного дома, и засыпала как мертвая. Ей ничего не снилось – за полтора месяца ни разу. И она была уже за это благодарна новой работе. Хотя бы семь-восемь часов в сутки Елена не думала о том, что ее прежняя жизнь разбита вдребезги, что она в одночасье потеряла мужа, лучшую подругу и мужчину, в которого была влюблена¹.

Смирился ли Руслан с тем, что она собиралась ему изменить, Елена не знала. Она редко созванивалась с мужем, после того как он ушел из дома. Руслан безостановочно разъезжал по области, жил на строительных объектах, где его фирма монтировала антенны, или у холостых друзей. Иногда приезжал в спортивный интернат к сыну, привозил подарки, интересовался успехами и неизменно передавал «привет маме». Артем переадресовывал матери этот привет с саркастической улыбкой, давая понять, что в грош его не ставит. Елена чувствовала себя виноватой и в свою очередь тоже привозила мальчику подарки, сладости – чаще, чем прежде, когда в их семье царил мир.

«Что я делаю, а еще педагог по образованию! – ругала она себя после очередного такого визита. – Забрасываю парня подачками, вместо того чтобы правдиво с ним поговорить о том, почему мы с папой расстались! Ведь он все понимает и скоро начнет пользоваться нашей трусостью!» Однако как трудно было удержаться от покупки очередного подарка, когда мальчик говорил: «Папа привез мне бутсы, знаешь, фирменные, какие я давно хотел...

Папа обещал мне ноутбук, если я закончу год без троек... Папа...» Вступая в безмолвное и почти бессознательное соперничество с мужем, Елена пыталась отстоять свои права на сына, делала ошибку за ошибкой и ненавидела себя за это...

Старая подруга, с которой она порвала после того, как узнала об ее двойном предательстве, больше не пыталась до нее дозвониться. Как ни удивительно, Елена почти простила Леру то, что та когда-то завлекла ее мужа и умудрилась на краткое время стать его любовницей. Это было почти смешно, ведь впоследствии эти двое просто ненавидели друг друга, будто стыдясь того, что натворили. Но вот то, что Лера выдала ее Руслану, когда Елена рассказала ей о своем тайном романе, набравшем обороты...

«Она донесла на меня, хотя я даже не решилась изменить мужу. С этого момента все пошло прахом... Руслан превратился в тупое ревнивое чудовище, я оправдывалась до тех пор, пока не начала злиться, – настоящей-то вины на мне не было... А с Мишей у нас так ничего и не получилось».

Михаил, кстати, звонил ей куда чаще, чем муж, хотя она никак его не поощряла. Их роман рухнул, дойдя до критической точки, когда, собственно, должна была начаться фаза серьезных отношений. В события вмешалось нечто роковое, то, чего никто не мог предвидеть. Внебрач-

¹ Читайте роман Анны Малышевой «Саломея».

ная дочь Михаила была заподозрена в жестоком убийстве своего отчима. Частично подозрения пали и на самого Михаила. Потом ему пришлось дать объяснения по поводу исчезновения драгоценностей, принадлежавших дочери... И полностью доказать свою невиновность он так и не смог. Михаил был задержан, ему предъявили обвинение в краже, и если бы Елена не уговорила его дочь забрать заявление, дело обернулось бы несколькими годами тюрьмы.

Сейчас, пару месяцев спустя после всех этих событий, слушая его оживленный голос в телефонной трубке, она поражалась тому, как быстро этот человек умеет забывать. «Как с гуся вода! А ведь был абсолютно раздавлен! Если бы я не вмешалась, не упросила Киру простить его, он бы сейчас сидел... Обокрасть собственную дочь, для которой за всю ее жизнь не сделал ровным счетом ничего, разрушить мою семью, так что я не представляю, о чем говорить с мужем и как смотреть в глаза своему ребенку... И после этого отпускать шуточки, рассказывать анекдоты, вычитанные из Интернета, спрашивать, когда мы увидимся!»

– У меня нет настроения развлекаться, я слишком устаю, – ответила Елена как-то на очередную просьбу о свидании. – И потом... Мне казалось, я достаточно ясно выразилась, когда попрощалась с тобой в марте.

– Так то в марте, а сейчас май! – легко откликнулся Михаил. – И ты тогда была слишком зла.

– Неудивительно! Имелись на то причины!

– Послушай, – в его голосе зазвучали виноватые нотки, – я дал маху с побрякушками, не спорю... Но у меня были серьезные долги, а девочке драгоценности все равно ни к чему. Она же равнодушна к своему виду.

– Замечательное оправдание! – съязвила Елена. – Только вот в суде оно бы не сработало!

– Да она простила меня, простила! – повысил голос Михаил. – Даже она простила, а ты не можешь, хотя перед тобой я виноват самую малость! Ну, солгал пару раз, хотелось лучше выглядеть в твоих глазах! Сколько можно дуться! Или ты уже с кем-то другим встречаешься?

Елена могла бы соврать, что так и есть. После этого Михаил, скорее всего, прекратил бы звонить и отступил. Она не верила, что он так серьезно увлечен, чтобы посвятить жизнь ее завоеванию. Но женщина сказала правду.

– У меня никого нет, и все, чего я хочу, – освоиться на новом месте. Вот оно мне дорого, это правда.

– Сколько тебе платят?

– Не в этом смысле дорого, – смутилась Елена. – Платят пока немного. Я ведь учусь... Для меня важно то, что я сумела начать жизнь заново.

– Ты играешь работой, как ребенок новой куклой, – презрительно бросил он, внезапно переменяв тон. – Ничего ты не сумела. Ты просто прячешься от меня, от себя, оттого, что между нами должно произойти. Но даже если ты уедешь на Северный полюс, все останется прежним. Однажды мы снова начнем встречаться. Признайся, ты думаешь обо мне каждый день!

– Днем я сплю! – парировала она. – А ночью у меня нет на это времени! Прости, все. Меня зовут, я должна идти.

Она ругала себя за то, что вступает в эти споры, но не могла просто сбросить звонок, если видела на дисплее телефона имя Михаила. Возможно, он был в чем-то прав, между ними осталась неповрежденной некая связь, мешавшая расстаться окончательно. «Это потому, что мы так и не стали любовниками, – говорила себе Елена. – Иначе я бы сумела его забыть. Мне было бы слишком тяжело слышать его голос...»

Вера, в одиночку воспитывавшая двоих детей, осуждала новую подругу за ненужную жестокость. Она в общих чертах знала обо всем, что случилось с Еленой два месяца назад, и считала, что та делает глупость за глупостью.

– Зачем ты мужа прогнала? – допытывалась она. – Думаешь, сумеешь в одиночку поднять сына? Между прочим, мужчинам спустя какое-то время надоедает платить алименты. Твой еще платит? Дает на ребенка? Хорошо, что так. Мой первый хоть бы рублем сыну помог, ни гроша не дал с того дня, как расстались. Второй муженек раз в год привозит дочке куклу, и привет! Считает, что я бешеные деньги зарабатываю. Еще бы, мне же чаевые оставляют!

– Я никого не прогоняла, – вздыхала Елена. – Мы временно расстались. Руслан и раньше вечно пропадал в командировках, так что разница даже незаметна.

– Знакомо мне это «временно»! – отмахивалась приятельница. – Ну а если муж осточертел, почему ты этого своего Мишу отталкиваешь? Только при мне он четыре раза звонил. Это же чего-то стоит! Или совсем негодный мужик?

– Он очень мне нравился когда-то, – призналась Елена. – Но... Много врет и... играет.

– Игрок?! – ахнула Вера и сочувственно кивнула: – Тогда правильно, пошли его к черту! Лучше бы пил, с этими как-то проще. У меня первый пил так, что страшно вспоминать! Штуки откалывал почище, чем эта психованная дамочка из 617-го номера! Вечно ему мерещилось...

Елена предпочитала в сотый раз выслушать историю о том, как приятельница была несчастлива в обоих браках, чем вспоминать о собственной неудаче. Возможно, потому они с Верой так быстро сдружились – та нашла в новой помощнице ночного администратора благодарную слушательницу. Вообще, старшая горничная отличалась властным, даже деспотичным характером, и других подруг у нее не было. Молоденькие горничные трепетали перед своей начальницей, а та нагоняла на них страху, расписывая несчастья, которые им грозят.

– Вас могут обвинить в воровстве, в порче вещей, в неисполнении обязанностей, в хамстве... И пусть вы будете чисты, как ангелы, с вас вычтут ущерб и выкинут на улицу. Это в самом лучшем случае! У вас есть только один шанс не сесть в тюрьму – слушаться меня и все-все мне рассказывать!

Девушки слушались с завидной готовностью, и Вера хвасталась тем, что уже не одну из них спасла от неприятностей.

– Ты не представляешь, Леночка, на что способны некоторые клиенты! – делилась с подругой старшая горничная. – Бывают такие уроды, устраивают скандал просто ради удовольствия, чтобы погубить незащитного человека... А девочке восемнадцать лет, она из небогатой семьи, богатая ведь убирать чужую грязь не пойдет... Она всего боится, всему верит. Вычтут с нее несправедливо раз, другой, от зарплаты ничего не останется, чаевые ничтожные... Ну она с отчаяния и украдет, в самом деле. Как говорил Ницше, падающего толкни!

– Ты... читала Ницше? – с уважением поинтересовалась Елена.

– Да я ведь когда-то училась на философском... – Вера сбила несуществующую пылинку со своего жестко накрахмаленного белого передника. – Миллион лет назад, когда по Земле ходили динозавры. Ладно, что об этом вспоминать? Ты-то ведь тоже, когда поступала в свой педагогический, не думала, что угодишь в гостиницу!

Елена не видела особой беды в том, что «угодила в гостиницу», но мечтала обзавестись хотя бы толикой того авторитета, которым обладала Вера. Елену слушались, но не всегда с первого раза. Она сама понимала, что доводы не всегда действенны там, где нужен просто приказ или даже угроза, но приказывать и угрожать еще не научилась. Ей отравляла жизнь вражда с коридорным Сергеем, и женщина ругала себя за излишнюю откровенность, проявленную в душевных беседах с Верой. Она подозревала, что та поделилась подробностями ее личной жизни с половиной персонала. Во всяком случае, Елена иногда ловила на себе излишне внимательные взгляды, которым не находила объяснения.

Люкс 617 уже давно пустовал. Прошла неделя, как из него выехала беспокойная гостья, а за это время так никто и не заселился. Более дешевые номера шли нарасхват, а в двухкомнатный пока заглядывали только горничные – смахнуть пыль и отрегулировать кондиционер.

Новый постоялец появился, когда Елена еще не успела приехать на работу. Зато его видела Вера, лично помогавшая устроиться жильцу, который произвел на нее большое впечатление.

– Иностранец, из Бельгии, – ответила она на вопрос Елены. – Оч-чень любезный мужчина. Немножко говорит по-русски. Ну, я с ним на английском общалась. Знаешь, кто он? Думаешь, бизнесмен или турист? Нет, антиквар! Багаж у него был негабаритный, вот я с нашими ребятами и возилась, устраивала. В камеру хранения он его сдать не пожелал. Здоровый такой, страшно тяжелый ящик. Его пока на тележку втащили, замучились! А потом антиквар попросил принести ужин в номер, в ресторан спуститься не захотел. Я думаю, боится расставаться со своим ящиком. Как будто его легко украсть! Вещь килограммов на сто с лишним!

– Да мне все равно, – отмахнулась Елена. – Лишь бы он не напился и не устроил среди ночи концерт!

– Он заказал только пиво, – успокоила ее Вера. – И вот насчет него у меня нет никаких сомнений! Мужик абсолютно нормальный. Кстати, та дама из Питера мне сразу не понравилась, только я уж не стала ничего тебе говорить.

И впервые Елена подумала, что приятельница могла бы пореже разглагольствовать о своей необыкновенной интуиции. «Может, я начинаю наконец осваиваться?»

Оставшись на шестом этаже, где находился ее пост, одна, женщина занялась делами, перешедшими к ней по наследству от дневной смены. Позвонила в службу ремонта, выясняя, когда придет мастер чинить лифт, отказавший несколько часов назад? К счастью, сломан был не грузовой, иначе антиквар из 617-го люкса не смог бы уединиться в номере со своим ящиком. Второй пассажирский лифт работал исправно, так что особой проблемы не возникло. В ночное время движение в отеле вообще становилось меньше. Но завтра предполагался большой заезд постояльцев, несколько экскурсионных групп, так что починить лифт было необходимо.

Она порядком истрепала себе нервы, выясняя по телефону, выехал ли уже мастер, напоминая диспетчеру компании, что лифт находится на гарантии, и грозя штрафными санкциями. Добившись только неопределенных обещаний, она осталась очень недовольна собой. Положив трубку, Елена перевела дух, шуря в пространство, соображая, что еще можно придумать и кому пожаловаться. В этот миг она боковым зрением отметила некое движение в коридоре.

Елена взглянула туда, где ей померещился мелькнувший темный силуэт, но коридор был пуст. На стенах, выкрашенных в персиковый цвет, мягко сияли хрустальные плафоны, бросавшие блики на лепнину потолка и толстый серый ковер, застилавший пол. Все двери в номера были закрыты. В конце коридора темнело окно, наполовину прикрытое белой шелковой «маркизой».

«Показалось», – решила Елена, снова углубляясь в размышления, в надежде найти какой-нибудь рычаг воздействия на службу сервиса. Она по инерции продолжала смотреть в сторону коридора, и ее внимание вдруг привлекла красная табличка на цепочке, висевшая на ручке люкса 617. Табличка слабо раскачивалась. Раз, другой, остановилась. «Ее только что вывели», – машинально отметила про себя Елена.

Красная табличка несла на себе требование «Не беспокоить!» на русском и английском языках. Зеленая означала бы просьбу убрать в номере. Значит, постоялец люкса лег отдыхать и позаботился о своей неприкосновенности. Ничего удивительного. Но Елена, раз обжегшись на номере 617, уже не могла относиться к нему спокойно.

На этаже остановился лифт, двери мягко, бесшумно открылись, в холл вышли мужчина и женщина – громко смеющиеся, явно навеселе. Они подошли к Елене, назвали номер, и та, поискав в столе за стойкой портье, выдала им ключ – магнитную пластиковую карточку, отпиравшую электронный замок. Дверь напротив люкса 617 хлопнула и тут же поглотила возбужденные голоса постояльцев. Елена поймала себя на том, что все еще улыбается дежурной, радушной улыбкой и, согнав ее с лица, принялась названивать по служебному номеру, надеясь найти портье, который вновь беззастенчиво отсутствовал.

Тот обнаружился на третьем этаже. Горничные позвали его из кафе, где он пил кофе с сослуживцем. Елена, сама не понимая толком, отчего она так злится, приказала ему вернуться на рабочее место.

– Да я только что отошел, – попытался сопротивляться мужчина.

– Вас нет уже полчаса, Андрей Николаевич! Что вы себе позволяете?!

– Допью кофе и приду, – пообещал тот.

– Вы бросили пост в такое горячее время, в половине одиннадцатого! Я уже ловила вас в три, в четыре часа ночи, и это еще можно было извинить, но сейчас!

– Да ведь на минутку...

– Немедленно возвращайтесь, я не могу найти справочник, мне нужно дозвониться дежурному инженеру, сломан второй лифт!

Послышалось невнятное ворчание, и портье положил трубку. Елена от нетерпения постукивала каблуком по мягкому ковру, придумывая, что еще скажет этому ленивому, зажавшемуся типу, похожему на откормленного кота, который вечно норовил улизнуть с поста в кафе. «Не говоря уже о том, что персоналу неприлично сидеть в том же заведении, что и постояльцы! Не-при-лич-но! Так я ему и скажу!» – накручивала себя она.

Прежде Елена избегала читать кому-то нравоучения, боясь, что ее одернут, напомнив, что она сама в гостиничном бизнесе без году неделя и даже не оканчивала соответствующего учебного заведения, института сервиса, к примеру. Но на этот раз она молчать не собиралась. Когда на этаже остановился лифт и оттуда выплыл мрачный, облизывающий жирные губы портье, она открыла рот, чтобы начать его отчитывать, но тут же остановилась. Следом за портье из лифта вышла женщина и, быстро оглядевшись, обратилась к Елене:

– Мне нужен номер 617!

– Сюда, пожалуйста, – Елена указала в сторону люкса. – Но... Видите, там вывесили табличку «Не беспокоить!».

– Ко мне это не относится! – резко ответила женщина и почти бегом направилась к люксу.

Портье тем временем расположился за стойкой, включил лампу, разложил перед собой ручки и карандаши, всем своим видом демонстрируя крайнюю занятость и утомление. Елена злым, еле слышным шепотом обратилась к нему:

– Если вы еще раз позволите себе шлаться в рабочее время, никого не оставив на посту взамен, я напишу докладную!

Женщина была настолько взбешена, что не делала скидок на возраст подчиненного. Прежде она робела его отчитывать.

– Пишите, – проворчал Андрей Николаевич, продолжая выравнивать карандаши. – Вам за это деньги платят.

– Что?! Да я еще ни на кого не доносила, хотя меня уже десять раз спрашивали, почему я этого не делаю!

– Мне все равно. – Портье шумно засопел, еще больше напоминая в этот миг кота, застигнутого за кражей котлет. Елене даже померещилось, что его уши плотнее прижались к лысеющему черепу. – Я свои права знаю.

– А обязанности помните?!

Неизвестно, чем бы закончилась их пикировка, но к стойке подошла женщина, собиравшаяся навестить постояльца люкса. Свет лампы упал на ее бледное, худое лицо, и Елена, увидев гостью так близко, вдруг поняла, что та сильно нервничает. Эта нервность мгновенно передалась ей самой. Она почувствовала ватную слабость в коленях, может, потому, что подсознательно ждала от номера 617 новых неприятностей.

– Он не открывает, – сказала гостья.

– Наверное, спит, – развела руками Елена.

Женщина сощурилась, ее ресницы часто-часто задрожали. Она прикусила нижнюю губу и обернулась в сторону коридора:

– Не может быть. Он меня ждет.

– А вы попробуйте еще постучать, – вмешался портье. – Вдруг телевизор громко работает, или он в ванной...

– Черт знает что... – сквозь зубы проговорила женщина. Она вернулась к двери и снова принялась стучать и нажимать ручку.

Елена следила за ней, попутно отмечая интересную внешность визитерши. Кроме ее худобы и бледного лица, в глаза бросалась художественно-небрежная стрижка. Короткие темные волосы торчали перьями, придавая облику женщины нечто мальчишеское. На вид ей казалось около сорока, но одета она была, как подросток. Супермодные брюки-карго, с оттянутыми карманами на бедрах, расцветки «милитари», свитер с глубоким вырезом, обнажавшим острые ключицы, туфли на каблуках, не вяжущиеся с общим ансамблем, дешевая парусиновая сумка, испачканная красками... Женщина явно оделась впопыхах, нацепив первое, что попало на глаза, или же была равнодушна к таким тонкостям.

– Вот телефон дежурного инженера, – отвлек ее портье, придвинув справочник. – А тут на полях записан его мобильный.

Он явно пытался подольститься. Елена вынула из кармана пиджака мобильный телефон и набрала номер. Услышав неутешительное сообщение о том, что аппарат выключен, собралась позвонить по городскому, но в этот миг женщина принялась колотить в дверь люкса кулаком.

– Что вы, что вы! – поспешила к ней Елена. – Уже ночь, вы всех перебудите!

– Он там или нет?! – яростно обернулась к ней визитерша.

– Там, видите табличку?

– Плевала я на табличку! Откройте дверь, я должна туда попасть!

– Простите, этого нельзя. – Елена очень боялась, что та снова начнет стучать, и вместо приветливой улыбки у нее на лице появился нервный оскал. – А вы можете позвонить своему знакомому?

Женщина выхватила из сумки телефон, несколько раз нажала на клавиши, приложила его к уху и через десяток секунд поморщилась:

– Не отвечает!

– Я наберу номер люкса от портье. – Елена сделала шаг и остановилась: – А вероятнее всего, там никого и нет! Табличку могли повесить по ошибке! Наверное, ваш знакомый спустился в ресторан.

Она лукавила, желая успокоить излишне нетерпеливую гостью, которая могла поднять нежелательный шум в засыпающем отеле. Елена не собиралась упоминать ни об ужине, заказанном в номер бельгийским антикваром, ни о том, что табличка с просьбой не беспокоить появилась на двери люкса всего пятнадцать минут назад. Она набрала номер у стойки портье и убедилась, что никто не собирается снимать трубку.

– Увы. – Елена вернулась к женщине, все еще стоявшей у двери с поднятым сжатым кулаком, будто готовясь постучать. – Ваш знакомый ушел.

– Этого не может быть! – выдохнула та. – Он ждал меня!

– Быть может, зайдете еще раз утром, а пока оставите записку?

– Утром, утром... – пробормотала женщина. – Нет, исключено! Я должна забрать ящик сейчас.

– Ящик?

– Он привез для меня посылку, из Брюсселя. – Гостья впервые прямо взглянула на Елену, будто осознав, что та стоит перед ней. – Пожалуйста, помогите мне ее забрать! У меня есть на нее документы, вот!

Выхватив из сумки файл с бумагами, она взмахнула им перед самым лицом Елены.

– Я заберу ящик, в вашем присутствии. – Женщина говорила лихорадочно быстро, продолжая усиленно жестикулировать. – Я не могу, не собираюсь ждать! У меня тут рядом в перелуке стоит «газель», и в ней ждут двое грузчиков. Оплата почасовая, а за ночное время дополнительная.

– Погодите... – Елена тяжело вздохнула, с тоской взглянув на номер, который уже сделался ей ненавистен. – Вы требуете невозможного. Как я могу выдать вам вещи из чужого номера?!

– Но это мои вещи!

– Чьи бы то ни было!

Она сама постучала в дверь и нажала ручку, просто по инерции. Таким образом дверь можно было открыть только изнутри. Чтобы проделать это снаружи, требовалось сперва вставить в прорезь замка карту.

– Давайте поступим так, – предложила Елена. – Я провожу вас в кафе, и вы там подождете вашего знакомого минут пятнадцать. Я, со своей стороны, постараюсь сделать все возможное, чтобы найти его. Он может быть в ресторане, в массажном кабинете, в сувенирном магазине... Если не найду, предпримем еще какие-нибудь меры.

Какие это могли быть меры, Елена не знала и желала лишь одного – успокоить излишне нервную гостью. Частично ей это удалось. Глубоко вздохнув, та спрятала в сумку бумаги и пожалала плечами.

– Ладно, пятнадцать минут подожду. Не надо меня провожать. Где ваше кафе?

– На третьем этаже.

Когда за ней закрылись створки лифта, Елена вопросительно посмотрела на портье. Тот понял ее взгляд:

– Да я его вообще не видел. Он заселился до девяти.

– Надо бы к нему заглянуть. – Елена услышала свой голос как будто очень издали. Она сама не могла поверить, что изрекает подобную ересь. Беспокоить постояльца, который вывесил требование оставить его в покое!

Однако Андрей Николаевич ничуть не удивился и даже поддержал ее:

– Конечно, надо. Вдруг ему плохо? Эта дамочка так туда колотилась, а он не услышал. Или его совсем там нет?

– Ключ взять у Никиты?

– У меня есть запасной. – Портье услужливо протянул ей заготовленную заранее карточку. Видя, что Елена колеблется, не решаясь взять ее, он подмигнул: – Никита – это лишний шум и лишние глаза. Если бы вы в ту ночь, когда напилась дамочка, обратились ко мне, скандала бы не было. Я умею таких приводить в чувство! До девяностого года пятнадцать лет отработал санитаром на «скорой»!

– Но вас той ночью не было на посту. – Женщина произнесла это без тени упрека.

Подойдя к двери люкса, она вложила карточку в замок и, увидев, как красный огонек сменился зеленым, нажала ручку. Елена вошла в номер, готовя про себя несложную английскую фразу, чтобы объяснить свое появление и извиниться. «Хотя, Вера сказала, антиквар говорит по-русски». В гостиной она сразу обратила внимание на массивный ящик, сколоченный из тщательно отшлифованных досок. Вид у него был внушительный, особенно благодаря большим сургучным печатям, наложенным по всем швам. На печатях значилось одно и то же, крупно выдавленное слово, вероятнее всего, фамилия: «Van Klaas». В гостиной горел верхний свет, а также торшер и оба бра над диваном. Было так светло, что Елена, привыкшая к неяркому освещению гостиничных коридоров, невольно щурилась, оглядываясь по сторонам.

«Он спит, а я буду выглядеть душой и хамкой вдобавок, если сунусь к нему в спальню!»

И все же она заглянула туда, осторожно приоткрыв дверь. В комнате было темно и прохладно. Сквозь отворенную створку окна свободно лился ночной воздух и ровный гул вечер-

него города. Спустя полминуты Елена разглядела на двуспальной кровати большое темное пятно и скомканную кучу тряпья. Спящего человека там не оказалось.

– Извините, к вам пришла гостя, – все же сказала она по-русски, негромко, проверяя, в комнате ли постоялец.

«Тут никого нет. Бельгиец поужинал, переоделся и ушел гулять в город. Сегодня так тепло! С чего я взяла, что табличку на двери повесили прямо перед тем, как я на нее взглянула? Она могла качаться от сквозняка!»

Елена нащупала на стене выключатель и нажала клавишу. Вспыхнула люстра, и одновременно раздался короткий, придушенный крик. Женщина не сразу поняла, что кричала она сама.

Пятно оказалось размазанной, уже впитавшейся в желтый шелк скомканного покрывала лужей крови. Рядом с постелью, на ковре, ничком лежало тело мужчины. Колени были полусогнуты, одна рука подвернута под себя. Он как будто пытался встать, но в последний момент не смог этого сделать.

Она крикнула еще раз, уже оттого, что кто-то внезапно схватил ее за руку выше локтя. Обернувшись, Елена увидела портье. Тот неслышно подкрался сзади и теперь оглядывал спальню со смешанным выражением отвращения и любопытства.

– Во всех отелях бывают несчастливые номера, – наконец авторитетно изрек он. – Значит, здесь теперь тоже есть такой.

Глава 2

Портье действовал уверенно и деловито, словно ему было не в новинку находить в номерах трупы. Перейдя в гостиную, он набрал номер охраны отеля и коротко попросил подняться в люкс 617. Затем вызвал «скорую», причем Елена, все еще стоявшая на пороге спальни, слышала, как он сказал, что человек тяжело ранен и без сознания.

– Что вы говорите, Андрей Николаевич, – опомнившись, прошептала она. – Он мертв!

– Пусть это удостоверит врач. – Портье принялся набирать очередной номер. – Придется вызвать милицию.

– Боже мой! – Елена наконец оторвала взгляд от неподвижно лежащего тела. – А ведь та женщина, должно быть, ждет меня в кафе!

– Так бегите за ней! – Андрей Николаевич округлил глаза, показывая, что ему ответили.

Елена бросилась прочь из номера.

Женщина, так стремившаяся попасть в люкс 617, сидела в кафе на третьем этаже, уставившись в опустевшую чашку из-под кофе, будто пытаясь что-то прочесть в разводах застывшей гущи. Елена, стараясь не выдать душивших ее эмоций, подошла и негромко произнесла:

– Я за вами. Идемте наверх.

– Проснулся? – проворчала та, отодвигая чашку и поднимаясь из-за стола.

– Идемте, – уклончиво повторила Елена.

К счастью, женщина не стала ни о чем расспрашивать и торопливо направилась к лифту. Елена едва за ней успевала. Дверь номера была закрыта. Портье немедленно отпер на стук:

– Я пока один. Даже из охраны не подошли. Можно подумать, таракан сдох, а не человека убили!

– Что?! – Гостья, устремившаяся было к ящику, замерла и обернулась. – Кого убили?!

– Да вашего знакомого, – мрачно ответил Андрей Николаевич, явно не желая утруждать себя дипломатическими недомолвками. – Вон, в спальне лежит. Э, нет, туда нельзя! Я потом за это перед милицией буду отвечать!

Но женщина и не собиралась переступить порога спальни. Она замерла в дверях, прижав руки к груди, глядя на труп расширенными блестящими глазами. Елене послышалось, будто она что-то шепчет, но приоткрытые губы женщины оставались неподвижными.

– Ничего не трогайте! – предупредил ее портье. – И вы, Елена Дмитриевна, тоже! Кстати, как к вам обращаться?

Гостья, которой адресовался вопрос, не услышала его. На этот раз Елена точно различила, как та шепчет что-то невнятное. Она осторожно коснулась растянутого рукава ее свитера:

– Как вас зовут?

– Александра, – тихо, не глядя на нее, ответила та.

– Он ваш родственник?

– Нет... – Женщина закрыла ладонями лицо и с силой растерла его, будто пытаясь проснуться. Вид у нее был странный. Казалось, Александра мысленно общается с незримым никому, кроме нее одной, привидением. – Нет, – уже громче проговорила она, на шаг отступая от порога спальни и переводя взгляд на ящик с печатями. – Он мне никто. Я его даже никогда раньше не видела. Он просто курьер, доставил мне груз. Я должна была расписаться в получении, а оплатила эту услугу вперед, еще в Бельгии.

Александра внезапно заговорила быстро, будто торопясь покончить с неприятными вопросами разом. Портье слушал с интересом, Елена же поймала себя на том, что не очень доверяет этой женщине. «Она тараторит потому, что пытается что-то скрыть. И все время прислушивается, словно ждет подвоха! В одном она не солгала – на этого мужчину ей плевать. А вот напугана ужасно!»

– Сейчас приедет милиция, – сказала Елена, чтобы посмотреть на реакцию гостыи.

Та лишь пожала плечами. В номер постучали, и Андрей Николаевич впустил начальника охраны. Этот подтянутый отставной военный, вечно одетый в черный костюм и черную рубашку, как гробовщик, славился тем, что везде искал виноватых, даже если их быть не могло. Узнав, что в номере труп, Глеб Иванович изменился в лице и уставился на Елену с такой ненавистью, словно все случившееся было на ее совести.

– Почему посторонние в номере? – прошипел он.

– Я пришла за своей посылкой. – Подойдя к ящику, Александра демонстративно положила на него руку. – Заберу и уйду. Меня больше ничего не касается.

– Кто вас впустил?

– Я. – Елена с вызовом посмотрела на начальника охраны. – И я нашла труп.

– Кто к этому бельгийцу приходил?

Вопрос адресовался Андрею Николаевичу. Тот невозмутимо ответил:

– При мне – никто. Да и до меня никто. Мне сменщик сказал.

– Когда он заехал?

– Часов в восемь вечера.

– Это что получается, – начальник охраны взглянул на часы, – он и трех часов у нас не прожил?

– А мы здесь при чем? – резонно возразил портье. – К нам никаких претензий быть не может. У нас весь сервис на уровне. Я знаю только, что он ужин в номер заказывал. Да вон, пожалуйста!

И Андрей Николаевич указал на посуду, стоявшую на сервировочном столике. Елене бросились в глаза разбросанные по стеклянной столешнице ломтики жареной картошки, тарелка, испачканная белым соусом, пустая литровая кружка из-под пива.

– Ужин ему тоже привезли, когда работал сменщик. – Вероятно, чувствуя свою полную непричастность к случившемуся, портье держался почти развязно. – Так что если какие вопросы, то это к нему. Или официантов спрашивайте!

– Кто же его убил, если к нему никто, кроме официанта, не входил?

– Почему вы думаете, что его убили? – вмешалась внимательно слушающая Елена. – Может, это самоубийство?

Она высказалась только из чувства противоречия, уж очень ее раздражал надутый вид начальника охраны. Глеб Иванович даже не находил нужным с ней здороваться, не считая новенькую важной фигурой. Неожиданно подала голос Александра:

– Это не может быть самоубийство.

– Вы-то откуда знаете? – мгновенно вцепился в нее портье. – Сказали же, что незнакомы с ним!

– Он прежде всего должен был передать мне груз, – отрезала та. – А уж потом, если захочется, покончить с собой.

– А может...

– Никаких «может»! – В ее голосе зазвучали металлические нотки. Эта женщина явно умела стоять на своем. – Видите печати на ящике? «Ван Клаас» – старинная европейская курьерская фирма, ей чуть не триста лет! Можно доверять все – от наличных денег до собственного ребенка, и они доставят в полной сохранности в любую точку мира! Неужели вы думаете, что они стали бы держать психически неуравновешенного работника?! И потом, – добавила она, будто про себя, – он ведь даже не успел получить от меня чаевые. Я обещала за срочность.

В дверь номера снова постучали. На этот раз явился милицейский наряд.

Один милиционер остался у входа, другой прошел в спальню, взглянул на тело и принялся переговариваться по рации. Александра настроенно наблюдала за ними, то и дело

приоткрывая рот, готовясь что-то сказать, но тут же брала себя в руки. Елена видела, что ей не терпится вмешаться в происходящее, но она не решается.

– Кто его нашел? – тем временем поинтересовался милиционер, осматривавший тело.

– Я, – неохотно призналась Елена.

– Значит, останьтесь. Остальные пока могут разойтись.

Однако расходиться никто не пожелал. Начальник охраны высказался категорично – он останется здесь, пока не увезут тело. Это его прямой долг. Портье заметил, что он тоже нашел труп и потому желает давать показания. «Большая радость, нечего сказать!» – подумала Елена, которая с удовольствием уступила бы ему эту привилегию. Александра же не двинулась с места, охраняя свой ящик. У нее был вид собаки, стерегущей кость.

– Как хотите, а я пришла за своей посылкой и уйду отсюда вместе с ней, – заявила она. – Столько ее ждала, могу подождать еще немного!

Ждать в самом деле долго не пришлось. Вскоре явилась следственная группа. В спальне включилась камера, началась процедура осмотра. Приехал врач «скорой», но, мгновенно уяснив, что его присутствие не требуется, лишь мельком взглянул на тело, попросил кого-то из группы расписаться на бланке и исчез. Елена даже не успела его спросить, от чего умер бельгийский гость.

– Кто там открыл окно? – обратился к присутствующим выглянувший из спальни молодой мужчина в штатском.

– Оно было открыто, когда я нашла тело, – с готовностью откликнулась Елена.

– А почему вы вообще вошли в номер? Услышали какой-то шум?

– Нет, все было тихо. Просто к нему пришла гостья и не могла достучаться. – Женщина указала на Александру. – Я забеспокоилась, не случилось ли чего.

Она рассказала то небольшое, что знала о постояльце номера 617 – когда он заехал в отель, заказал ужин, как вывесил на двери табличку с просьбой не беспокоить. Рассказала и то, что по ее мнению, табличку вывесили совсем недавно.

– Когда я взглянула на нее, она еще раскачивалась, а прямо перед этим мне померещилось какое-то движение в коридоре. Что-то мелькнуло, понимаете? Значит, дверь открылась, кто-то высунулся, и...

– Дверь открывается вовнутрь, – перебил ее портье.

– Что? – на миг растерялась женщина.

– Все двери номеров открываются вовнутрь. Говорите, что-то двигалось в коридоре, а ему даже высовываться было незачем. Потянул дверь на себя, повесил табличку на ручку и снова ее закрыл. Такое с поста скорее не увидеть, а услышать можно. Как замок шелкнул, например.

– А я ничего не слышала!

– Значит, и не было ничего. – Андрей Николаевич едва заметно подмигнул Елене, чем окончательно привел ее в замешательство. – Мне вот по ночам чего только не мерещится! Даром что здание новое. В таких тоже привидения водятся, еще как!

– Давайте о привидениях потом, – раздраженно перебил их следователь, совсем молодой, похожий на студента. Он как будто сознавал, что его вид не внушает почтения, и поэтому нервничал. – Значит, вы никого не видели возле этого номера?

Елена была вынуждена признать, что никого. Портье продолжал шуриться, словно намекая на связывающую их общую тайну. «Неужели этот идиот думает, что мне есть, чего бояться?!» Она с негодованием отвернулась. Следователь тем временем взялся за Александру. Ей пришлось отпустить свой ящик, достать из сумки паспорт и представиться по всей форме. Выяснилось, что Александра Петровна Корзухина является официальной представительницей нескольких крупных московских художественных салонов и галерей, членом Российского союза художников, а также дипломированным реставратором. Встреча, которая должна была состояться этим вечером в отеле, имела прямое отношение к ее работе.

– Я отыскала в Бельгии, на одном из небольших аукционов, деревянное резное панно, которое меня заинтересовало. Его неправильно назвали в каталоге, неверно датировали, оно находится в посредственном состоянии – за четыреста лет ни единой реставрации. Правда, это голландский черный дуб, от времени он не портится, его даже жучки не едят. Но перенести ему пришлось немало. В эпоху наполеоновских войн стоявшие в доме пьяные солдаты швыряли в него яйцами, например... Это только то, что мне удалось узнать.

Александра говорила крайне взволнованно, бессознательно ломая красивые белые руки. На ее лице попеременно отражались то радость, то страдание. Следователь тоже увлекся:

– Значит, в ящике то самое панно? Ему четыреста лет?

– Вот именно! Его настоящий создатель – знаменитый резчик по дереву Гаспар Ван Гуизий, современник Рубенса и Ван Дейка, а вовсе не безымянный ремесленник из Брюгге конца восемнадцатого века, как считают авторы каталога! Это целиком мое открытие, я даже думаю написать по этому поводу диссертацию!

– Предлагаю вскрыть ящик. – Следователь обернулся в сторону спальни, куда в это время как раз вносили свернутые носилки. – Вы там когда закончите? Как отснимите, увозите его сразу. Белье с постели, матрасник, вещи, коврик – все забирайте. Опять куча баракла! – Он как будто жаловался кому-то невидимому.

Александра встревожилась:

– Вскрыть здесь? Сейчас? Это мне будет очень неудобно. Как я потом его опять упакую?!

Панно ведь очень тяжелое...

– Ну, сейчас вам все равно никуда его увозить не придется, – возразил следователь. – Ящик будет приобщен к делу. Не трогайте его, кстати! На нем могли остаться отпечатки пальцев!

Александра отдернула руки и спрятала их за спину, как провинившаяся девочка. Ее лицо и впрямь приобрело детски несчастное выражение:

– Вы хотите сказать, что не отдадите мне панно?!

– Не беспокойтесь, если вы владелица – его передадут вам. Но не сегодня.

– Посмотрите на бумаги, оно мною куплено три недели назад! – Когда Александра доставала файл с бумагами из сумки, ее руки дрожали. – Вот свидетельство аукциона, вот квитанции – за оплату, за доставку, вот договор с курьерской фирмой, которая сотрудничает с аукционом... Упаковали панно и наложили на ящик печати при мне – вот справка об этом. Вот чек об уплате налога на покупку в странах Бенилюкса. Таможенная декларация, ее мне прислали по факсу, когда курьер пересекал границу... Кое-где копии с печатями, а подлинники – у курьера. Посмотрите в его вещах, он должен был их привезти!

– Мы самым внимательным образом осмотрим его вещи. Но давайте сперва удостоверимся, что ваше панно доехало в целости!

– Неужели вы думаете... – Александра задохнулась, не договорив.

– С виду ящик цел, но курьера застрелили. Уже поэтому неплохо бы убедиться, что он не был ограблен.

Откуда-то из-под локтя следователя вынырнул Андрей Николаевич, с почтительным видом протягивая гвоздодер. Когда он успел отлучиться из номера, где в считанные секунды раздобыл инструмент – для Елены осталось загадкой. Ей казалось, портье все время стоял рядом с ней. Она уже успела понять, что, хотя Андрей Николаевич был не самым большим ревнителем дисциплины и нередко заменял нудное ночное сидение на посту приятной беседой с сослуживцем в кафе, в шустрости и смекалке ему нельзя отказать. Несмотря на свои годы (портье было под шестьдесят), он порой проявлял мальчишескую прыть.

– Я сама! – Александра выхватила у портье гвоздодер. – Вы не понимаете, с чем имеее дело!

Закусив губу, женщина осторожно просунула плоский конец гвоздодера в зазор между тщательно пригнанными досками и нажала. Раздался треск сухого дерева. Эту операцию она повторила не менее десятка раз, обращаясь с крышкой ящика так осторожно, будто та сама по себе представляла большую ценность. Под конец Елене стало казаться, что художница вовсе не спешит открыть посылку. «Будто боится чего-то... Или не желает нам ничего показывать!»

Наконец ящик был открыт. Александра сбросила на ковер несколько слоев пузырчатого целлофана, оказавшегося под крышкой, сняла хрустящую вощеную бумагу и, слегка задышавшись, представила зрителям свою покупку:

– Вот он, Ван Гуизий! Ах, если бы вы знали, как трудно было его найти, понять, что именно продается в качестве рядового, посредственного лота...

Елена молча разглядывала большое панно, размером примерно полтора метра на метр. С первого же взгляда она поняла, что перед ней значительное произведение искусства, хотя и не была опытным ценителем старинной фламандской резьбы по дереву. Ее восхитила тонкость работы. Все фигуры барельефа, вырезанного из темного дуба, поражали живостью и необыкновенным реализмом деталей. Сюжет остался для нее загадкой. В центре барельефа была изображена обнаженная молодая женщина – пышная, мощно сложенная и, как показалось Елене, не вполне трезвая. По ее круглым плечам рассыпались волны кудрявых волос, падавших до колен. Женщина задиристо и призывно улыбалась, ее хмельные глаза шурились от смеха. Красавицу окружало несколько неожиданное общество, а именно – стадо откормленных, под стать ей самой, свиней. Свиньи теснились к женщине, задирая пяточки. Резчик выполнил их так живо, что почти слышалось хрюканье. На заднем плане виднелся скалистый берег, покрытый лесом. За ним – море, и корабль, направлявшийся, судя по положению наполненных ветром парусов, прочь от земли.

– Н-да, сильная вещь, – неожиданно высказался начальник гостиничной охраны.

– Здоровенная какая! – с уважением присовокупил Андрей Николаевич. – Солидная! Таковую не во всяком люксе повесишь... Разве что в ресторане или в главном холле, например...

Прослужив двадцать лет подряд в гостиницах, он привык все вещи оценивать по особой шкале. Так, про красивую чашку портье говорил: «Как из банкетного сервиза», а про привлекательную девушку: «Хорошая вышла бы горничная для люкса». Следовательно откашлялся и спросил, сколько же стоит это панно? Он был почему-то подавлен видом творения Ван Гуизия и, казалось, безуспешно решал про себя некий трудный вопрос.

– Это можно видеть из бумаг. – Александра созерцала барельеф, скрестив руки на груди, ее щеки разругались от волнения и удовольствия. Она выглядела такой гордой, будто сама создала эту вещь. – Я заплатила на аукционе сто восемьдесят тысяч евро. Плюс налог на покупку, плюс курьерские расходы, итого мне оно обошлось около двухсот пятнадцати тысяч.

– Вы говорите, на аукционе произошла какая-то ошибка? Сколько оно на самом деле должно было стоить?

Александра кивнула, с симпатией взглянув на следователя:

– Вы все поняли, не так ли? Да, это мечта любого охотника за стариной, такого, как я. Найти уникальную вещь по цене рядовой. То, что я заплатила, – это обычная стоимость старинной резьбы по дубу, ничтожная сумма в сравнении с тем, во сколько сейчас ценится Ван Гуизий, да не какой-то обломок или фрагмент, а целое панно зрелого периода! – И, переведя дыхание, неожиданно погрузнев, женщина добавила: – Вот только жаль, покупала я его не для себя, а по поручению. У меня, увы, нет таких денег, какие потребовались. И в долг никто не дал, все знакомые сами сидят на бобах... Смешно и грустно! Я могла бы разбогатеть и всю жизнь бездельничать, а получу только комиссионные да плату за реставрацию.

– То есть вы не являетесь владелицей панно? – насторожился следователь.

– Увы, – повторила та. – Можете убедиться, в передаточном акте аукционного лота указано, что я приобретаю его по поручению третьего лица.

– Что это за лицо?

– Мой клиент.

– А подробнее?

– Подробнее не могу, – спокойно ответила художница. – Это коммерческая тайна.

Следователь рассердился и снова сделался похож на студента-практиканта.

Елена смотрела на него с тайным сочувствием, понимая, что ему приходится очень непросто. «Он тоже в своем деле новичок, – подумала женщина. – Но если сравнивать его ответственность и мою...»

– Меня-то лично ваши тайны не интересуют, век бы их не знать, – грубо заявил он, растирая щеку, на которой появилось красное пятно. – Но тут убили человека, который привез этому вашему таинственному клиенту панно за двести пятнадцать тысяч евро, а может, во много раз дороже. Так что придется вам все же отвечать на мои вопросы!

– Что ж, – поморщилась Александра, – значит, придется. Только, если можно, допрашивайте меня без свидетелей. А то тут раз, два... три посторонних человека.

В этот момент из спальни показались люди с носилками, на которых лежало тело, упакованное в плотный пластиковый чехол. Александра бросила на носилки беглый взгляд и отвернулась. Глеб Иванович засуетился:

– Только, прошу вас, потише, не шумите в коридоре! Это будет пятно на нашей репутации! Елена Дмитриевна, проводите их к грузовому лифту! А в номер – немедленно горничных, пусть все убирают, чтобы духу крови не было! Этот ящик, надеюсь, сегодня заберут? А вещи постояльца?

– Номер оплачен вперед на три дня, – вмешался портье. – Как быть?

– Мы не имеем права кого-то сюда вселять, пока не истечет этот срок, – решительно заявила Елена. – Убраться необходимо, но и только.

– У него вещей немного, всего один чемодан, – взглянул в свой блокнот следователь. – Мы его прихватим, конечно. Также заберем на экспертизу кое-какой текстиль из номера.

– Вернете? – поинтересовалась Елена.

– Обязательно. Только на химчистку не рассчитывайте. Меня вообще удивляет, что нам иногда выдвигают такие условия! – Он уязвленно пожал плечами. – Как будто у нас по совместительству можно вещички постирать!

– У меня этого и в мыслях не было, – заверила женщина обидчивого представителя закона и устремилась вслед за носилками, которые уже вынесли в коридор. Пока ожидали грузовой лифт, задержавшийся где-то внизу, подошли и остановились рядом постояльцы, которых она хорошо запомнила, потому что три дня назад помогала им оформить автобусную экскурсию по Золотому кольцу. Это была чета престарелых немцев. Мужу казалось на вид лет восемьдесят с лишним, жена, будучи заметно моложе, водила его под руку. Муж, как Елена успела выяснить в процессе общения, прилично говорил по-русски и, когда она сделала ему комплимент на этот счет, заулыбался и сообщил, что после войны четыре года провел в лагере для военнопленных в Армении, где строил цементный завод.

– Кто-то умер? – спросил старик, осмотрев носилки.

– Да, – неохотно ответила Елена. – Такая неприятность.

– А мы с женой слышали какой-то шум за стеной. Это не наш сосед?

Двери подошедшего лифта бесшумно открылись, мужчины с носилками вошли в него и, не дожидаясь Елены, нажали кнопку. Да она и не собиралась ехать вниз, сопровождая труп, рассудив про себя, что вынесут его все равно к тому выходу, где остановилась приехавшая за ним машина. Немцы также остались на этаже, с любопытством глядя на «фрау администратор», как они ее называли.

– Ваши номера правда граничат, – согласилась Елена. – А когда вы слышали шум?

– В десять часов. – Старик высвободил руку, продетую под локоть спутницы, и сдвинул вверх рукав пиджака, обнажив жилистое запястье, покрытое вздувшимися синими венами, и массивный золотой браслет на нем. – Да, в десять. Я еще тогда взглянул на часы и подумал, что у нас появился сосед. До этого там ничего не было слышно.

– А что за шум? – все больше заинтересовывалась Елена. Она припомнила, что в десять сама была неподалеку от номера 617 и не слышала ровным счетом ничего! Правда, ей пришлось все время говорить по телефону...

– У нас была открыта дверь на балкон. Поэтому я услышал, как у соседа за перегородкой что-то происходит. Как будто дергали или чинили заевшую ручку на балконной двери или на окне. Потом что-то лязгнуло, хлопнуло, и сразу же в комнате упало что-то тяжелое – мебель опрокинули или чемодан.

– Окно... – пробормотала Елена. – Да, окно в спальне было открыто. Послушайте, вам нужно пообщаться со следователем. Понимаете? Там сейчас находится следователь. Вашего соседа, туриста из Бельгии, убили.

Немец быстро заговорил, обращаясь к жене, не понимавшей по-русски ни слова, а только с благожелательной улыбкой кивавшей в такт их беседе. Та встревожилась, а он снова повернулся к Елене:

– Многоуважаемая фрау, мы уезжаем. Нас внизу ждет такси, наши вещи уже там. Мы опоздаем на самолет.

– Что ж, я все равно передам следователю ваши слова, – развела руками Елена. – Думаю, он мне поверит.

– Конечно, ведь вы лицо, имеющее власть, – убежденно ответил немец. – И позвольте пожелать вам всего лучшего на прощание. Я уже больше никогда не приеду в Россию, я знаю это.

Его жена, переставшая улыбаться с того момента, как испугалась, что их задержат, тянула мужа к вновь открывшимся дверям лифта. Пара вошла туда, немец одарил Елену белозубой фарфоровой улыбкой, и они уехали. Женщина вернулась в номер.

Там тем временем разгорался скандал. Александра с перекошенным лицом громко говорила по телефону, то оправдываясь, то начиная ругаться, то протягивая трубку следователю, который каждый раз делал отрицательное движение рукой. На его щеках и даже на шее, видневшейся из-под расстегнутого ворота рубашки, горел уже целый выводок красных пятен. Казалось, он внезапно заболел какой-то детской болезнью, вроде краснухи или скарлатины. Начальник охраны топтался в спальне, давая ненужные советы членам следственной группы, упаковывавшим испачканные кровью вещи. Портье исчез, как всегда, бесшумно и бесследно. Елена дала бы руку на отсечение, что он уже обосновался в своем любимом кафе на третьем этаже и всю сплетничает о свежем происшествии.

– А вы им это объясните сами! – зло шипела Александра в трубку. – Они не желают отдавать мне панно! Я ни за что тогда не отвечаю, ни за что! Может, они засунут его в сырой подвал, и когда отдадут, оно уже будет заражено грибом! Не знаю на сколько! Не знаю! – Она снова протянула трубку следователю: – Да послушайте, что вам говорят! Это не последний человек, известный деятель культуры, между прочим! Вам не зазорно бы пойти ему навстречу!

Тот внезапно сдался и, взяв трубку, сквозь зубы представился. После он в течение двух минут молча слушал чей-то голос, такой громкий, что Елена, стоя в нескольких шагах, иногда различала отдельные слова. Выражение лица у парня было кислое, и когда он наконец заговорил, его голос звучал сдавленно:

– Я все, что смогу, сделаю... Понятно, раз посылку даже не вскрывали, можно и... Только я не могу решить это сам.

– Почему не можете? – прошипела ему в затылок Александра.

– Максимум, на что я могу пойти, это оставить панно в номере. – Парень снова принялся растирать щеку свободной рукой. – Он оплачен вперед на три дня, да и перевозить ящик затруднительно. Номер мы опечатаем. Когда я решу вопрос с начальством, передадим вам вашу посылку.

Художница фыркнула, готовясь что-то возразить, но следователь обернулся и протянул ей телефон:

– Значит, договорились.

– Договорились?! – Она прижала к уху трубку но, обнаружив, что соединение завершено, раздраженно сунула телефон в сумку. – О чем это?!

– Вы все сами слышали. Панно останется в опечатанном номере до тех пор, пока вам не разрешат его забрать. Учитывая обстоятельства, бумажную волокиту, прочие формальности, могу сказать, что произойдет это радостное событие примерно послезавтра. Мы идем на такие уступки из уважения... – Он покосился на панно и, тяжело вздохнув, закончил: – ...к искусству.

– Просто бред. – Александра взглянула на часы и высоко подняла брови. – Это что же, первый час?! А я-то с вами разглагольствую... Меня ведь «газель» с грузчиками ждет!

– Ну так идите себе к ним! Номер опечатаем без вас, в присутствии свидетелей. Сотрудники гостиницы вас устроят?

– Да я с ними даже незнакома, – буркнула женщина, явно сдаваясь. – Почему я должна им доверять?

Елена молча достала из кармана пиджака свою новенькую визитную карточку и протянула ей. Художница, хмыкнув, взяла визитку и, развернувшись на каблуках, не прощаясь, покинула номер. Когда за ней закрылась дверь, следователь перевел дух.

– Все крутые, все с кем-то там знакомы, – язвительно проговорил он. – И зачем только милицию вызывают, если сами могут со всем разобраться?

Елена передала ему то, что узнала от съехавших постояльцев, и парень немедленно сделал ей внушение, почему она не задержала немецкую чету. Ее заверения, что те бы не остались, так как очень торопились в аэропорт, не подействовали. Парню явно хотелось на ком-то выместить унижение, которому его подвергла (или ему казалось, что подвергла) Александра. В общем, как показалось Елене, он не слишком заинтересовался услышанным, хотя сделал какие-то пометки в своем блокноте.

Наконец долгая процедура осмотра номера, сбора вещественных доказательств и снятия отпечатков была завершена. Набрался огромный пакет с вещами, к нему прилагался чемодан бельгийца. Елена предложила вызвать коридорного с тележкой.

– Сами управимся, – к ее удовольствию ответил следователь, кивнув своим подручным, которые разочарованно подхватили вещи. – Уносите. И снимите напоследок, как я накладываю печати.

Начальник охраны нахохлился, с неприязнью глядя то на Елену, то на панно, будто те сообща стоворились испортить ему жизнь. Попробовал было заикнуться о том, кто будет оплачивать номер, если панно не заберут через трое суток, но ему не ответили, и он окончательно погрузился во мрак. Номер заперли, на стык двери и косяка наклеили несколько бумажных лент с печатями, и следователь расписался на каждой, явно наслаждаясь процессом. Затем с важным видом заявил, что все могут быть свободны, и удалился со своей нагруженной свитой.

– Я уже позвонил управляющему, – сообщил Елене ее недоброжелатель, когда они остались в коридоре одни. – Вам придется дать ему отчет в десять утра, когда он придет в отель.

– Я немного смогу рассказать.

– За одну неделю у вас два скандала, и оба в этом номере! – Глеб Иванович словно не слышал ее негромкого ответа. – «Скорая», милиция, крики, шум... Какую репутацию мы себе зарабатываем, едва открывшись?! Все потому, что в главном офисе экономят на приличных

зарплатах хорошим специалистам, а берут на службу либо мальчишек-студентов, либо пенсионеров, либо таких вот дамочек, как вы!

– Я давно окончила институт и до пенсии как будто далеко, – сдерживая возмущение, возразила Елена. – Что вас во мне конкретно не устраивает?

– Да то, что вы стараетесь всем угодить, а при этом хлопаете ушами! И почему лифт до сих пор не начали чинить?!

Буквально выкрикнув последнюю претензию, он прошел в конец коридора и свернул на лестницу запасного выхода. Ею пользовался только персонал, и то редко. В большинстве своем служащие предпочитали ездить на лифте наравне с постояльцами. Исключение составляли начальник охраны и Вера, которая вообще бравировала тем, что очень вынослива и не делает себе поблажек.

Она-то и появилась спустя несколько мгновений из дверей запасного выхода, неся прижатую к груди стопку белья, покрытого салфеткой. Увидев приятельницу у дверей люкса, Вера заговорщицки подмигнула и шепнула:

– Познакомились уже?

– Можешь не шептать, там никого нет. – Елена указала на бумажные ленты, наклеенные на косяк. – Вот, полюбуйся.

– Что за ерунда? – Вера резко остановилась, покачнувшись на высоких каблуках, и едва не выронила белье. – Что случилось?!

– Даже говорить не хочется. Его убили.

Прижав стопку белья подбородком и высвободив правую руку, старшая горничная потрясенно перекрестилась.

– Кошмар... Как же это?! – прошептала она. – Я видела его три часа назад живым, такой интересный мужчина... Антиквар...

– Курьер, – мрачно уточнила Елена.

– Какой еще курьер? Он сказал, что сотрудничает со знаменитым аукционом, продающим предметы искусства! – возмутилась Вера.

– Значит, ты его не так поняла. Он всего-навсего привез в Москву посылку, отправленную с этого аукциона.

– Все мужики вруны, – печально вздохнула старшая горничная. – Сколько живу на свете, столько в этом убеждаюсь. А как он умер?

– Застрелили.

– Страсти-мордасти. – Вера медленно двинулась к стойке портье. Елена пошла за ней. – Кто же его? За что? Неизвестно?

– Больше я ничего не знаю.

У Елены вдруг разболелась голова. При взгляде на пустующее кресло портье она поймала себя на мысли, что ей тоже нестерпимо хочется сбежать от своих обязанностей. «А мне тут торчать до десяти утра, а потом еще сочинять какой-то отчет о случившемся... Будто я что-то могу рассказать!»

Оставшаяся часть ночи тянулась тускло и вяло. Елена выполняла рутинные дела, решая множество мелких вопросов, как по волшебству, стекавшихся именно к ней, хотя многие из них, на ее взгляд, могли бы обойтись и без ее вмешательства. Но она уже поняла, что в этом отеле никто ни за что отвечать не желает, и ей при малейшей заминке приходилось вмешиваться, что-то изобретать на ходу и улыбаться, бесконечно улыбаться постояльцам... Иногда она забывала убрать с лица эту улыбку и продолжала сиять, отчитывая прибывшего наконец мастера по ремонту лифтов, или коридорного, бросившего тележку, нагруженную чемоданами, в холле без присмотра, или того же Андрея Николаевича, в очередной раз застуканного за сплетнями в кафе на третьем этаже.

«Хорошо хоть ресторан и горничные не в моей компетенции, есть, кому за ними следить, иначе я бы с ума сошла!» – говорила она себе, нажив очередного врага среди подчиненных. Во всяком случае, Елене казалось, что количество ее недоброжелателей стремительно множится, вместе с количеством прочитанных ею нотаций и сделанных выговоров. А как еще они могли к ней относиться? Ничего не понимающая в деле дамочка, дурочка, которой попросту заткнули дыру, не желая брать на это место опытного специалиста и платить ему соответствующую зарплату...

К слову, она не много выиграла в деньгах, променяв свое прежнее место продавца-консультанта в салоне для рукоделия на эту должность. Учитывая то, что рабочая смена теперь увеличилась до двенадцати часов, да еще приходилась на ночь, она даже прогадала. И все же Елена ни о чем не жалела, если только не выдавались такие ночи, как эта, например, или та, когда впала в буйство бизнес-леди все из того же номера 617...

В десять часов утра она спустилась на починенном лифте на первый этаж и вошла в кабинет управляющего отелем. С этим человеком Елена общалась только раз, когда устраивалась на работу. Игорь Львович, полнеющий мужчина лет пятидесяти с небольшим, показался ей тогда очень заурядным и некрасивым. Его серое востроносое лицо, покрытое мелкими бородавками, вызвало у женщины ассоциации с миром рептилий. «Похож на ящерицу или варана. Да еще этот отвисший второй подбородок, почти зоб!»

Сегодня Игорь Львович был еще больше похож на ящерицу, готовую напасть на добычу. Он так судорожно двигался, расхаживая по кабинету, так резко поворачивал голову, следя за Еленой, рассказывающей о ночных событиях, у него был такой застывший взгляд, что ей стало жутко по-настоящему. Наконец она замолчала и с тоской уставилась на большие настенные часы, показывавшие половину одиннадцатого. «Когда же я сегодня лягу спать?!»

– Сколько вы у нас работаете? – спросил Игорь Львович, что-то обдумав.

– Второй месяц, – дрогнувшим голосом ответила женщина.

– Второй... А я вот в гостиничном бизнесе третий десяток. Конечно, опыт у вас мизерный, но нельзя же так, сами подумайте!

Елена не знала, о чем он говорит, но сделала умоляющее лицо, будто заранее прося прощения. Управляющий продолжал отчитывать ее, шагая по кабинету и нервно мотая головой, а она думала, что теперь, несомненно, будет уволена.

– Сколько шума, сколько лишних людей! – твердил он, как казалось Елене, с ненавистью и отвращением. – Созвали целую конференцию вокруг этого бельгийца!

– Я никого не звала. Это портье.

– Андрей Николаевич? Нечего на него наговаривать, это опытный работник, и ему не даром доверен шестой этаж, с лучшими номерами. Он ни за что не стал бы поднимать шум из-за труп в номере.

Елена промолчала, стиснув руки в замок, будто пытаясь раздавить между ладонями свое негодование. Ей давно хотелось пожаловаться начальству на нерадивого портье, но теперь она поняла, что ее слова не будут услышаны. «Он потому так себя и ведет, гуляет, где хочет, что сознает мое бессилие! Опытнейший работник!»

– Потом, почему в номер кроме милиции и врача были допущены посторонние? – продолжал Игорь Львович.

– Посторонних не было. Эта женщина приехала на деловую встречу с бельгийцем.

– Ночью?!

– Еще не было одиннадцати, когда она появилась. Что же тут такого?

– Вы еще имеете наглость задавать мне вопросы! – Управляющий резко воздел к потолку обе руки, так что серый пиджак на его спине собрался в складки, придав ему уже окончательное

сходство с ящерицей или вараном. – В нашем отеле существует прекрасный конференц-зал для встреч. Вы даже не предложили ей туда пройти, я убежден!

– Ситуация того не требовала. – Елена из последних сил пыталась сохранять спокойствие. – Она художница, реставратор, а он привез ей посылку со старинным деревянным резным панно. Оно было куплено на аукционе в Бельгии для крупного чиновника из Министерства культуры.

Про чиновника и про Министерство культуры Елена сочинила на ходу, просто чтобы как-то осадить управляющего. Ей казалось, он должен быть равнодушен к таким вещам. В самом деле, тот остановился, откашлялся и спустя полминуты продолжил уже более мирным тоном:

– Все равно. Как бы то ни было! Нельзя устраивать панику в отеле среди ночи и после этого требовать, чтобы постояльцы оставались довольны сервисом. На вас сегодня утром поступили жалобы.

– От кого? – с замиранием сердца спросила она.

– Неважно от кого. Как от гостей, так и от служащих.

– А чем служащие-то недовольны? – поморщилась Елена. – Это начальник охраны, конечно?

– Не ваше дело, – грубо ответил управляющий. – Я вызвал вас не для того, чтобы разбирать ваши дразги с сослуживцами, а чтобы сделать внушение. Вы должны запомнить, что впредь при возникновении подобных ситуаций сперва должны известить начальника охраны, а уж он примет решение, вызывать ли «скорую», милицию или другие службы.

– А если пожар? Если нет времени ждать, пока он соизволит явиться?

– Не доводите мои слова до абсурда! – сердито ответил Игорь Львович. – Это легче всего!

– А думать, звать ли милицию, когда в номере лежит застреленный человек, – не абсурд? Неужели имелась какая-то альтернатива? Может, в ковер его надо было закатать и отправить курьерской службой обратно в Бельгию, чтобы не поднимать лишнего шума?!

– Выпейте-ка коньячку! – неожиданно предложил управляющий.

Елена так оторопела от этого радушия, что опомнилась, только залпом осушив наполовину налитую хрустальную стопку, как по волшебству появившуюся из стенного шкафа. Она слегка задохнулась, и хозяин кабинета протянул ей открытую коробку шоколадных конфет:

– Закусите. Понимаете, какая штука, Елена Дмитриевна... Мне вас совсем увольнять не хочется. Вы вроде бы приживаетесь тут понемногу. Но должны понимать, что внутри отеля действуют не то чтобы другие законы... Законы в нашем государстве везде одни. Другие виды отношений, так скажем. И на первом месте среди наших целей и ценностей – спокойствие и удовольствие клиентов. Это-то ясно, полагаю?

– Ясно, – кивнула она, судорожно проглотив растаявшую конфету. – Я буду стараться.

– На это вся надежда. Ну, идите.

Елена уже нажала дверную ручку, но остановилась на пороге, ужаленная неприятной мыслью.

– А скажите, на меня прежде писали доносы?

– Каждый Божий день, – немедленно ответил управляющий, с хитрой и загадочной улыбкой. – Целую «Войну и мир» сочинили. Как видите, я только сегодня об этом упомянул. А прежде прочитывал и оставлял без движения. В нашем деле без доносов тоже нельзя, порядку не будет. Впрочем, ничего ужасного вы, даже в глазах своих недругов, не совершили. А я вот все жду, когда вы тоже мне что-нибудь напишете... Что медлите? Всеми довольны? Все хорошо работают?

– Мне литературного таланта не хватает, – глубоко выдохнув, ответила Елена. – Да и опыта, как вы правильно извоили заметить, мало.

Глава 3

Уже оказавшись на улице, бредя на заплетающихся от усталости ногах к своей машине, она горько усмехалась, обдумывая только что сделанное открытие. «Стало быть, я права, и меня все ненавидят, подсиживают. Вера предупреждала, что это – осиное гнездо, а уж таких маленьких начальников, как я, везде терпеть не могут! Больших, таких, как Игорь Львович, хотя бы бояться».

Елена достала из сумки брелок с ключами от машины и вдруг поморщилась, вспомнив, что опрометчиво выпила рюмку коньяка, вкус которого до сих пор ощущала во рту. «Сяду за руль – потеряю права. Вот же невезение! Денег в обрез, такси обойдется слишком дорого... Тащиться в метро после тринадцатичасовой смены... ТАКОЙ смены!»

– Лена?

Услышав за спиной знакомый мужской голос, она содрогнулась и едва не потеряла равновесия, оступившись на ровном месте. Обернувшись, Елена молча смотрела, как он подходит – улыбающийся, свежесбритый, как всегда, одетый с иголочки... Встретить рядом с отелем Михаила она никак не ожидала, так как тщательно скрывала, где именно работает. Он будто прочитал ее мысли и, заулыбавшись еще ослепительнее, пояснил свое появление:

– А я понял с твоих слов, что ты устроилась где-то на Садовом кольце, не поленился, взял справочник с номерами гостиниц, сделал с десяток звонков... И на одиннадцатый раз мне, представь, ответили, что у них таки работает Елена Дмитриевна Мамлеева. Помощник ночного администратора.

Последние слова он проговорил с нескрываемой иронией и широко открыл объятья:

– Ну как же я рад тебя видеть!

– Зачем ты меня искал? – Елена ловко уклонилась от объятий. – Что за срочность?

– Соскучился. По телефону ты такая злая, надутая, и я решил, что лучше увидеться. Ну что с тобой? На тебе лица нет!

– Устала, – сквозь зубы ответила женщина. – Всю ночь общалась с идиотами.

– А утром еще один навязался! – подхватил Михаил. – Давай подвезу, куда собиралась? Домой?

Елена хотела отказаться, но тут же вспомнила про выпитый коньяк и с досадой бросила в карман плаща ключи от машины. «И зачем только выпила?! Хоть бы удовольствие от этого получила, так нет, одна изжога... Пошла на поводу, растерялась... Почему я не умею вовремя говорить „нет“? И Мишку надо бы послать куда подальше после всего, что я по его милости пережила... А я уже вспоминаю о том, какая хорошая у него машина, этот красный спортивный „Ниссан“, как удобно в ней сидеть, низконизко, вытянув ноги, и думаю, что это куда заманчивей, чем болтаться в метро!»

– Так едем? – настаивал мужчина.

– Хорошо, – сдалась она. – Подвези меня до супермаркета рядом с домом. Ну ты его должен помнить, на углу переулка. Я там выйду.

Елена предельно ясно давала понять, что приглашение на чашку кофе исключается, но Михаил, по-видимому, не расстроился. Он явно не ожидал даже такого согласия и радостно схватил ее за руку:

– Отлично, поехали! Я-то думал, придется тебя уговаривать!

Уже сев к нему в машину, Елена сочла нужным признаться:

– Я согласилась потому, что сама не могу сесть за руль. Управляющий отелем только что угостил меня коньяком. Так что слишком уж не обольщайся.

– Тебе надо было все испортить? – покосился он в ее сторону, вырливая с парковки на проспект. – Обязательно?

– Да. Мне не нравится твое довольное лицо. Я хочу, чтобы ты страдал.

– А если я за эти два месяца выстрадал больше, чем за всю жизнь?

– Ну еще бы! – фыркнула Елена. – Едва не посадили за кражу! Есть от чего расстроиться!

– Меня бы не посадили за кражу, потому что на самом деле я ничего по-настоящему не воровал, – начал Михаил, но женщина его остановила:

– Если ты опять начнешь свое бесконечное вранье, я выскочу из машины и дальше пойду пешком. Хоть на другой конец Москвы!

Наступило короткое неприятное молчание. Елена кусала губы и упорно смотрела в окно, шурясь, чтобы не расплакаться. «Он не изменился! Никакого раскаяния! Все по-прежнему!»

– Хорошо, – наконец хрипло проговорил Михаил. – Хочешь считать меня негодяем – считай. Я уже давно заметил, что тебе это доставляет удовольствие. По сравнению со мной ты кажешься святой невинностью!

– Останови машину!

– Что ж ты сразу прыгнула ко мне в тачку, стоило поманить? – Его голос начал пронзительно вибрировать. – Соскучилась по негодяю, вору, игроку? Что тебе еще обо мне наговорили? Чему ты еще поверила вот так, сразу, плюнув на все хорошее, что я для тебя делал полгода?!

– Я не желаю ничего обсуждать! – Она тоже повысила голос, чтобы быть услышанной. – Я страшно устала и надеялась просто поскорее добраться до дома!

– Взяла бы такси!

– Денег нет.

Этот краткий ответ разом сбил агрессивное настроение собеседника. Он помолчал, затем откашлялся и спросил, правильно ли он понял, что Елена занимает некую руководящую должность?

– Так-то оно так, – ответила она, радуясь возможности сменить тему. – Но получаю пока очень немного.

– Сколько немного?

– Не хочу говорить. Начнешь издеваться. А ты что же, хотел у меня денег занять?

– Вот как ты обо мне думаешь. – В голосе мужчины прозвучала почти детская обида. – Как будто я когда-нибудь просил у тебя займы!

– О, нет! – с иронией протянула Елена. – Со мной ты всегда вел себя исключительно поджентльменски. Но если вспомнить, как обошелся с родной дочерью, становится ясно, что у тебя двойные стандарты морали!

Внезапно Михаил свернул машину к обочине и, перегнувшись через колени спутницы, открыл дверцу с ее стороны настежь:

– До чего ты въедливая! Прямо серная кислота! Иди пешком, если у тебя такой дурацкий характер!

Елена молча схватила сумку и выскочила на тротуар. Она прошла уже метров пятьдесят, когда догнавший ее Михаил, запыхавшись, крикнул ей в спину:

– Черт меня дернул в тебя влюбиться! С прошлого октября ухаживаю, и хоть бы что! Иногда хочется тебя задушить!

– Не ори, ты не в лесу, – бросила через плечо Елена, однако невольно замедлила шаг. Это признание, уже не раз слышанное, и даже приблизительно с теми же оговорками, действовало на нее, как и прежде, магически. Оно щекотало нервы, и было очень приятно сознавать, что тебе объясняется в любви привлекательный, ухоженный, знающий себе цену мужчина, на котором останавливают взгляды встречные женщины и девушки, даже если он просто идет по тротуару, а не сидит за рулем дорогой машины. «Наверное, ему удастся задеть и разбередить худшую сторону меня самой. Я не влюблена в него теперь, когда знаю ему цену. Так что же заставляет меня выслушивать его комплименты?»

– Я только теряю с тобой время, – продолжал Михаил, шагая рука об руку с женщиной, стараясь подстроиться под ее торопливую походку. – Как я себя ругал, когда искал твой отель, а потом ждал на улице! Знал же, что ничего путного не выйдет, ты меня оскорбишь. Припомнишь старые грехи... И все равно приехал.

– Ну так и не жалуйся, – с деланным равнодушием сказала она, отворачиваясь, чтобы мужчина не заметил ее разгоревшихся щек.

– Поехали дальше, а? Прости, я вспылil, но ты уж очень меня достала...

Елена сделала вид, что не слышит. Она упрямо продолжала идти, спустилась в метро, отстояла очередь в кассу за билетом и, только оказавшись на платформе, оглянулась, чтобы проверить, последовал ли за ней навязчивый поклонник. Она была уверена, что он отстал еще в подземном переходе, потому что именно там Михаил перестал сыпать уговорами, но он оказался тут как тут. Стоял у нее за спиной и даже улыбался с таким выражением лица, будто все происходящее очень его забавляло.

– Последний раз я так бегал за одной девчонкой в школе, – сообщил он. – Жутко меня мучила, водила за нос, строила из себя Снежную королеву. Я из-за нее даже пытался вены себе перерезать. Или это было из-за какой-то другой девчонки? Сейчас уже точно не вспомню. Короче, когда я ее добился и она стала со мной встречаться, понял, что любовь ушла. Такие вот дела.

– Я гляжу, ошибки прошлого тебя ничему не учат. – Елена презрительно скривила губы. История ее почему-то задела. – Что ж ты в таком случае за мной бегаешь?

– Инстинкт самца, – ответил мужчина с той ироничной прямоотой, которая прежде ей в нем так нравилась. – Недоступная добыча кажется самой вкусной.

Подошел поезд, и Елена поторопилась войти в открывшиеся двери. Ей даже удалось найти свободное местечко в конце вагона. Она уселась и, оглядевшись, с некоторым удивлением обнаружила, что Михаила нигде нет. «Остался на платформе? Оно бы и к лучшему, мы слова не можем друг другу сказать, чтобы не поссориться. И зачем заводить пластинку сначала, у нас столько взаимных счетов! У него ко мне инстинкт... А у меня что? Какое-то нехорошее тщеславие – вот, мол, как влюбила в себя мужчину, никак забыть не может! Что я могу чувствовать к человеку, который тайком продавал драгоценности своей дочери, чтобы расплатиться с карточными долгами? И чего он ко мне пристал? Мог бы найти и помоложе, и покрасивее...»

Она машинально взглянула на свое отражение в оконном стекле и вдруг увидела Михаила в соседнем вагоне. Тот стоял в каких-то полутора метрах от нее, взявшись за поручень, и пристально смотрел на женщину. Елена тут же отвернулась. Она почувствовала себя застигнутой врасплох, хотя прочесть ее мысли он не мог. «Увязался! Придется еще отделяться от него во дворе, а не то и в подъезде!»

О том, чтобы пригласить бывшего воздыхателя в квартиру, она даже в шутку не думала. После того как пару месяцев назад Елена опрометчиво открыла ему дверь, а он, подвыпивший и злой на весь свет, попытался насильно ею овладеть, ни о каких свиданиях наедине речь больше не шла.

Женщина закрыла глаза и притворилась, что дремлет. Спать в самом деле хотелось ужасно, но вскоре нужно пересаживаться на другую ветку. Считая про себя станции, чувствуя, как на диванчике сменяются попутчики, она всякий раз думала о том, не перешел ли Михаил в ее вагон, не сел ли рядом? Когда Елена наконец открыла глаза и встала, вагон оказался почти пустым. Михаила рядом не было. Выйдя на платформу, она проводила взглядом поезд, пытаясь разглядеть пассажиров в соседнем вагоне, но его не заметила.

«Конечно, он давно сошел. Наверное, уже едет в своей машине и ругает себя за то, что свалил дурака. Ничего, вперед будет умнее!»

И все же ей было досадно, будто она потеряла что-то не очень ценное, но привычное и необходимое – зонт, например. Поднявшись наверх, Елена зашла в супермаркет рядом с домом, почти не глядя, сделала покупки.

С тех пор как сын жил в спортивном интернате, а муж сутками пропадал в командировках, она стала готовить реже и неохотнее, а уж теперь, когда Руслан вовсе не показывался в доме, совсем перестала. Утром, возвращаясь с работы, Елена съедала бутерброд, вечером, собираясь на работу, – тарелку супа, сваренного наскоро из мороженных овощей. Она не собиралась изменять своим «холостяцким» привычкам и сегодня. Попав наконец домой, вскипятила чайник, намазала ломоть хлеба маслом, положила сверху кусочек сыра и уже собиралась налить себе чаю, когда в сумке, брошенной на пол в прихожей, зазвонил мобильный телефон. Елена с досадой поставила на стол пустую кружку и вышла из кухни.

На дисплее отображался незнакомый городской номер. Уже это ей не понравилось, она любила заранее знать, с кем предстоит говорить. «Если с работы, то лучше пусть думают, что я сплю. Если Михаил – пошел к черту! Еще пытался под конец намекать, что я его любви не стою! А вдруг Руслан?»

Елена чувствовала вину перед мужем, который, будучи виноват только тем, что перестал обращать на нее внимание, целиком отдавая силы работе, пострадал больше всех. Она взяла трубку и ответила.

Женский голос, который слышала Елена, тут же вызвал в памяти номер 617, кровавое пятно на постели, распакованный ящик, содержавший удивительное по красоте старинное панно. В следующий миг она поняла, что ей звонит Александра.

– Вы Елена Дмитриевна Мамлеева, помощник администратора? – напористо проговорила та. – Это я с вами ночью общалась?

– Можете называть меня просто Елена, – ответила женщина. – Что-нибудь еще случилось?

– Мне необходимо срочно попасть в номер!

– Он опечатан, вы же знаете. – Елена с тоской взглянула на часы. «Не успею выспаться! Вот жизнь каторжная! И зачем я дала ей визитку! Дернула нелегкая...»

– Знаю, но вы все равно должны мне помочь! – хрипло сказала Александра. В ее голосе слышалась решимость отчаяния. – Обстоятельства очень резко изменились, я не могу ждать.

– Простите, но это будет прямым нарушением закона, – твердо ответила Елена. – И потом, вы же слышали, следователь обещал отдать вам панно уже завтра. Неужели не можете потерпеть?

– Завтра! – Александра издала звук, очень похожий на рычание. – Нет, я должна попасть туда сегодня же! Помогите мне, и я вас отблагодарю!

– Я сейчас просто отключу телефон, – пригрозила Елена. Ей разом расхотелось и спать, и есть. Тревога, вибрирующая в голосе собеседницы, включила в женщине чувство опасности. – Вы мне предлагаете уголовщину!

– Да я не собираюсь забирать панно, поймите вы! – Художница то ли начала плакать, то ли загнанно дышала в трубку. – Оно останется в номере, обещаю! Я вам хорошо заплачу, не сомневайтесь!

– Да зачем вам туда? – Елена все больше недоумевала. – Просто посмотреть на панно?

– Да, посмотреть! Всего несколько минут! У меня появилась одна мысль насчет датировки, и я должна ее проверить!

– Боже мой, да неужели это так срочно, что нужно ссориться с законом?!

– Вам не понять... – с тоской протянула Александра. – Вы не творческая натура, вам неизвестно, что бывают ситуации, когда невозможно ждать...

Елена была задета. «Эта мадам как будто задалась целью говорить мне гадости! То не уверена в моей порядочности, теперь вот я не творческая натура, человек третьего сорта!» Она не хотела спорить, но вдруг услышала собственный голос, с претензией отвечающий:

– Почему же мне вас не понять? Некогда я писала стихи, они даже публиковались в альманахах, получали хорошие отзывы. Если я это забросила, то лишь потому, что не считаю себя настоящим поэтом и не желаю быть посмешищем.

– Так представьте, что вы вдруг сочинили лучшие стихи в своей жизни, прямо на ходу, и нужно срочно их записать, а вам говорят: «Ручку и бумагу не дадим, ждите дватри дня!» Сможете вы спокойно спать, есть, дышать?! Неужели непонятно, что я должна проверить свою догадку сейчас?!

– А вы обратитесь к следователю, – посоветовала Елена, теряясь от такого напора. – Привлеките своего влиятельного клиента... Я-то что могу сделать?

– Проведите меня в номер на несколько минут, так, чтобы никто не знал и не видел!

– Больше не говорите об этом. Я этого не сделаю.

– Вы... – задохнулась та. – Вы бессердечная, бездушная женщина! Вы ничего не поняли! Вы...

Не дослушав, Елена нажала кнопку отбоя и отключила телефон.

Вернувшись на кухню, она без удовольствия выпила чашку чая и с отвращением отодвинула бутерброд. «На мне и так уже все вещи висят, если дальше пойдет в том же роде, я заболею. Что за работа мне досталась! Только теперь начинаю понимать, почему меня так резво на нее взяли! А я-то радовалась, дуручка, что попаду в гостиничный бизнес, начну встречаться с интересными людьми! Эти самые интересные люди оставляют на мою долю оскорбления и истерики, а общаюсь я в основном с обслуживающим персоналом. И нельзя сказать, чтобы мне это просто давалось... Сколько доносов! Сколько врагов я нажила за пару месяцев, просто стараясь честно выполнять свои обязанности! Ведь я ни к кому не придираюсь, ни на кого не стучу, не заставляю за себя работать, напротив, сама затыкаю все дыры! Ну почему, почему они меня возненавидели?!»

Женщина даже всплакнула, но тут же приказала себе успокоиться. Тягостно плакать, когда некому тебя утешить, еще тяжелее сознавать, что виноват в этой изоляции ты сам. Елена поспешила раздеться и забраться в постель. Привычно накрыв голову подушкой, чтобы приглушить раскаты электрогитары и визг дрели, доносившиеся с верхних этажей, она попыталась заснуть. Но сон, желанный сон, о котором столько мечталось в течение ночи, к ней не шел. Промучившись около часа, она села и, запустив пальцы в растрепанные волосы, с ужасом осознала, что уснуть не сможет.

«Надо же было позвонить этой безумной художнице! Идея ей в голову пришла, скажите на милость! Подождать она не может пару дней! Что за срочность? Не развалится же это проклятое панно на части! Прождало четыреста лет и еще столько же спокойно продержится! Да оно вообще вечное, это же дуб! Он от времени только крепче становится!»

Елена включила телевизор, надеясь отвлечься, но тут же снова нажала кнопку на пульте. Экран потемнел. Вместо него она вдруг увидела панно – таким, каким оно показалось из распакованного ящика. Увидела пышнотелую смеющуюся молодую женщину, волны ее кудрявых длинных волос, ямочки на круглых щеках, прищуренные глаза, в которых читалась задорная хмельная усмешка. Она пасла стадо свиней, веселилась на лугу обнаженной, свободная и красивая, как не знающая стыда богиня. Что означает этот сюжет? Какая-то аллегория или просто сельская сценка?

«Как бы то ни было, эта вещь достойна того, чтобы украшать какой-нибудь музей, и я никогда не пожалею, что увидела ее! А ведь потом она пропадет в частной коллекции, и Александра знает это. Она купила панно по поручению и скоро должна будет с ним попрощаться. Конечно, ей горько это сознавать... Настоящее открытие! Такая находка бывает раз в жизни!»

Елена снова попробовала заснуть, и на этот раз ей удалось отключиться. Надолго ли, женщина не поняла. Казалось, что ее сразу же вырвал из сна телефонный звонок. На этот раз трезвонил аппарат, стоявший на тумбочке рядом с кроватью. Его Елена выключить забыла.

– Мам?

Услышав в трубке голос сына, она окончательно стряхнула с себя остатки дремоты. Артем редко звонил сам, предпочитая слать короткие sms-сообщения, причем писал их явно во время уроков. Начав профессиональные футбольные тренировки, мальчик стал относиться к школьным занятиям еще более прохладно, чем прежде. Учиться без троек ему пока удавалось лишь благодаря отличной памяти.

– Что случилось? – Она села, на шаривая ногами тапочки. – Разве ты еще не на занятиях?

– Сейчас перемена, – слегка обиженно ответил сын. – И почему ты думаешь, будто что-то случилось? Я просто соскучился.

– Ох, прости... – Елена тряхнула головой, отбрасывая падающие на глаза волосы. – Я со сна плохо соображаю. Мне что-то почудилось... Ты ведь редко звонишь сам!

– Ты спала? – протянул Артем. – Я забыл... Никак не могу запомнить, что ты работаешь ночью. Тогда я быстро, ладно? Мам, тут вот какое дело, мы собираем деньги на новую форму. Нужно внести по десять тысяч до конца недели. Привезешь деньги?

– Сынок, сейчас не могу, – встревожилась она. – Правда у меня рубля лишнего нет! У меня ведь пока ставка стажера, понимаешь? В следующем месяце, если все пойдет хорошо, мне должны повысить зарплату. Но сейчас...

– Ма-ам...

– И потом, Артем, – Елена нахмурилась, кое-что припомнив, – я ведь всего неделю назад привозила тебе деньги, когда вы собирали на подарок к юбилею тренера. Сумма была не так велика, согласна, но все-таки...

– Ма-ам... Что получается, у всех будет новая форма, а я один, как дурак, буду бегать в старой? – В голосе сына появились ноющие нотки. – Нам скоро на сборы ехать. Мам, ты даже не шути так!

– А все остальные уже сдали деньги?

– Один я остался!

– Милый, попроси папу, – скрепя сердце, произнесла Елена.

После того как они с мужем расстались, бюджет у них сам собой разделился, но обучение сына по-прежнему оплачивал Руслан. К матери же Артем обращался, когда предстояли дополнительные траты, и прежде она ему не отказывала... Но теперь просьбы о деньгах утихли. Елена очень мало тратила на себя, и все же ей с трудом удавалось выполнять требования Артема. Сейчас он окончательно выбил ее из колеи.

– Я не хочу просить отца, – мрачно ответил мальчик.

– Почему? – испугалась она. – Вы что, поссорились?

– М-м-м... Понимаешь, когда он приезжал в последний раз, мы говорили о тебе, и я сказал, что ты имеешь право жить так, как тебе нравится. А он обиделся. После этого, если я вдруг начну просить у него деньги, получится, что у меня совсем нет гордости.

– Ты правда сказал ему такое? – Елена не верила своим ушам. Сын, так болезненно переживший временный разлад родителей (во всяком случае ему они твердили, что временный), внезапно принялся защищать ее позицию! – Не надо было! Он ведь подумал, что я тебя настраиваю!

– Не знаю, что он подумал, но сказал, что я могу не рассчитывать на карманные деньги.

Елена с трудом перевела дух. Она не знала, как реагировать. Отчитать сына и запретить ему впредь лезть не в свое дело? Похвалить Артема за то, что тот заступился за мать? Ведь Руслан явно ее осуждал, раз мальчик не выдержал и высказался! «И вообще, почему я должна

зажимать ему рот? Это сделает из него лицемера. Пусть говорит то, что думает, без оглядки на авторитеты!»

– В другой раз не спорь с отцом, – сдержанно произнесла она, наконец собравшись с мыслями. – Есть вещи, которые ты еще не можешь понять.

– Да все я понимаю! Мам, так как насчет денег? Мне нужно внести их на этой неделе.

– Сегодня уже четверг... Ты не мог сказать раньше?

– Мам, я забыл...

Голос сына показался ей таким несчастным, что Елена просто не могла дольше сердиться. Она сдалась.

– Ладно, сынок, привезу деньги в воскресенье. Где-нибудь перехвачу.

– Это поздно! Хотя бы в субботу утром!

– Ох, ну хорошо! Ты умеешь взять за горло!

Разом повеселев, Артем торопливо попрощался, заявив, что урок уже начался. Положив трубку, Елена задумалась. Раздобыть десять тысяч рублей взаймы за пару дней было не такой уж сложной задачей. Но лишь на первый взгляд. Занимать у кого-то на новой работе она считала невозможным. Дать новый повод для сплетен, вызвать насмешки? Попросить у Веры? Она вечно без денег, одна растит детей, бывшие мужья ей не помогают. Старшая горничная не раз признавалась, что, если бы не чаевые, ей бы никогда не удавалось сводить концы с концами. Родители живут на пенсию, и потом, после расставания с мужем Елена старалась поменьше с ними откровенничать. Попросить денег – значит вызвать новую волну упреков в том, что она из-за чепухи развалила прекрасную семью. Начнутся злорадные вопросы: «Ага, уже в одиночку не справляешься? Денег стало не хватать? Прежде этого не было... Теперь сама видишь – каково это, тянуть ребенка в одиночку!» Кого же просить? Кого?!

Она знала, кто одолжил бы ей эту сумму моментально и без рассуждений. Но просить Михаила было для нее так же немыслимо и унизительно, как Артему – отца. «Обращаться с просьбой к человеку, которого только что смешала с грязью, значит, быть еще хуже его! А Михаил бы дал. У него всегда были деньги. Сколько он на меня тратил, как ухаживал! Никогда в жизни у меня ничего подобного не было и никогда уже не будет, наверное. Я превращусь в невротичку, замученную ночной работой, интригами и семейными дрызгами. Скоро никто на меня и не взглянет!»

Ей удалось поспать еще пару часов, не больше. Прежде даже сон урывками ее освежал, теперь же, собираясь вечером на работу, Елена чувствовала себя разбитой. Приняв душ, набросив халат и подсушивая волосы феном, она неохотно разглядывала свое отражение в зеркале. Иногда на нее находила жажда самобичевания, и тогда женщина находила свое лицо чересчур обыкновенным, глаза – слишком круглыми, из-за чего они имели удивленное выражение, даже если Елена ничему не удивлялась. «А мой рост? Метр семьдесят восемь, всех выше, как дылда-переросток в школе... С таким ростом надо обладать другим характером, сильным, лидерским. А мне постоянно хочется забиться в щель, никого не раздражать, никому не мешать... Вот сейчас опять поеду в отель командовать, читать нотации, наживать врагов... Сделали из меня козла отпущения, отдуваюсь за чужие грехи, да еще доносы на меня пишут! Вера будет утешать, скажет, что без этого нельзя, все гостиницы одинаковы... А мне-то не легче! Знать, что за каждым твоим движением следят и всякую минуту готовы подставить подножку!»

То, что до отеля пришлось добираться на общественном транспорте, окончательно испортило Елене настроение. Она приехала на работу с опозданием и вошла в вестибюль с таким перекошенным лицом, что встретившийся ей Сергей, кативший тележку с чемоданами отбывающих постояльцев, пытливо сощурился и бесшумно присвистнул. Елена ответила ему яростным взглядом. Она была убеждена, что этот наглый мальчишка и есть главный автор доносов, поступающих к управляющему.

Об убийстве в люксе к этому часу знали все поголовно. Причем, как с ужасом убедилась Елена, не только персонал, но и гости. Оказалось, днем приезжал следователь в сопровождении съемочной группы. Его выступление на фоне панно записывалось для криминальных новостей. Впервые сюжет прошел на одном из центральных каналов три часа назад, и был уже два раза повторен.

– Мы прославились, – криво улыбалась Вера, затащившая приятельницу в бельевую, чтобы поболтать без лишних глаз и ушей. Их дружба уже стала заметна, а как пояснила старшая горничная, любые личные отношения между персоналом не приветствовались. – У меня тоже интервью взяли, я сегодня и днем работала, подменяла. Только вот все вырезали, одну фразу оставили. Я так глупо выгляжу по телевизору!

– Скажи, номер опять опечатали?

– А то! Все приклеили обратно. А тебе не все равно?

– Мне-то разницы нет. – Елена прикусила нижнюю губу, вспомнив, как умоляла ее о помощи художница. – А панно там осталось?

– Наверное, – пожала плечами Вера. – С собой они ничего не увезли. Да, лифт опять сломался! Тот самый, который ты чинила. Значит, бракованный поставили. Его чини не чини, толку не будет.

– Вер, одолжи до зарплаты десять тысяч, – набравшись духу, попросила Елена, угадывая, какой будет ответ.

Та замахала руками еще прежде, чем подруга замолчала. На лице старшей горничной отразился преувеличенный ужас.

– Что ты, шутишь?! Да я еле тяну с детьми от и до, сама вечно занимаю. А что у тебя случилось?

– Ничего, – вздохнула Елена. – Обычные расходы... Сыну в школу деньги нужны.

– О, это бесконечная история, на школу никакой зарплаты не хватит! – согласно закивала Вера. – Да тебе хоть платят у нас, нет? Как в воду опущенная ходишь, похудела... Они такие, норовят с человека три шкуры снять, и чтобы все даром, даром... Это политика. Работай на них, теряй здоровье, да еще считай за великую честь и радость, что тебе разрешают здесь горб наживать!

– Мне платят ставку стажера, – призналась Елена. – Я рассчитывала не на такие деньги, конечно, но они обещали, что это продлится не дольше двух месяцев.

Вера всплеснула руками, глядя на подругу с материнской жалостью:

– Ты все еще стажер! Нечего сказать, выгодное дельце провернули... Иди сейчас же к Игорю Львовичу, он еще на месте. Требуй, чтобы тебя оформили как полагается! Этому стажерству конца не будет! Поверь, не ты первая, не ты последняя! Видишь, как они борются с кризисом? За наш счет! Меня-то не трогают, я опытный волк, а вот ты для них легкая добыча. И работу тебе теперь жалко бросить, столько сил вложила, столько надежд... Значит, будешь тянуть эту лямку за гроши столько, сколько им будет нужно. Чем раньше взбунтуешься, тем быстрее получишь нормальную зарплату!

– А если меня совсем уволят, когда зайкнусь о деньгах? – с сомнением произнесла Елена, вспомнив утренний разнос у начальства. – Нет, лучше немножко подожду.

– Немножко! – Вера усмехнулась и, достав с полки стеллажа косметичку, вынула зеркальце, помаду и принялась подкрашивать губы. – Кого ты обманываешь? Еще год будешь трястись за свое место, работать чуть не даром, портить нервы и желудок, перекусывать ночью, на ходу... Днем-то у тебя больше аппетита не бывает. Не правда, что ли? Не отвечай, по себе знаю. Мы, ночные служащие, как летучие мыши. Днем висим вниз головой в каком-нибудь темном углу и пытаемся уснуть. Да только мы и спать уже путем не можем!

– Год я не выдержу, – искренне ответила Елена. – Ну, что делать... Попробую еще у кого-нибудь занять.

– Ты не занимай, а требуй! – Старшая горничная сложила накрашенные губы бантиком, словно собиралась поцеловать свое отражение в зеркальце. – Сама не понимаешь выгоды... Поэтому наши тебя и не боятся, не уважают. Вот если бы ты...

Елена присела на табурет, ютившийся в углу комнатки, среди огромных кип свежего белья, пахнувшего цветочной отдушкой, и задумалась, перестав слушать приятельницу, удалившуюся в поучения. Вера не в первый раз разясняла ей способы дополнительных заработков, существовавших в отеле. Для нее и для подчиненных ей горничных таковыми являлись в основном чаевые. Можно было также немного поддержать семейный бюджет, принося с работы пакетики с шампунем, мыльца и гели для душа, которые полагалось раскладывать по ванным комнатам «в том количестве, которое потребует клиент». Клиенты мужского пола, как правило, больше одного комплекта в день не требовали, а дамы и подавно обходились теми средствами гигиены, которые привозили с собой. Излишки шли в пользу горничных и практически не поддавались учету. Судя по всему, постояльцы отеля изводили за сутки десятки литров шампуня и килограммы мыла.

Был еще один, крайне непостоянный источник дохода, который мог возникнуть у горничной. Забытые вещи и деньги клиентов. Их полагалось сдавать администрации отеля, но так поступали не все, отлично понимая, что доказать вину в этой ситуации невозможно. Клиенты часто и сами не были уверены, где забыли свои вещи. Крупные суммы, как правило, горничные все же относили по назначению, боясь крупного же скандала. За это они получали небольшое вознаграждение. Возвращать же случайную купюру, завалившуюся за кресло, притаившуюся в углу шкафа или ящика стола, было как-то нелепо. Это воспринималось как негласные чаевые.

Сама Вера с упоением вспоминала счастливый случай из своей юности, когда она только начинала карьеру горничной. Иностранец, американский бизнесмен, уезжая, забыл в номере папку с документами. Прежде чем отнести их администратору, молоденькая Вера пролистала бумаги, просто из любопытства. Между двумя средними страницами она обнаружила пачку денег – пять тысяч долларов сотенными купюрами. В тот момент она страшно нуждалась, ее мать тяжело болела, годовалого сына Вера содержала одна. Гражданский муж, которому накупила нищета и жизнь вчетвером, с женой, тещей и новорожденным пискуном, в одной комнате в коммунальной квартире, пропал. Девушка забрала деньги себе, папку отдала администратору и стала ждать расправы. Ей казалось, что грядет как минимум увольнение, боялась она и тюрьмы. Но американец, которого нагнали уже в аэропорту, страшно обрадовался, получив свою папку. Он пролистал страницы, убедившись в их комплектности, про деньги не заикнулся и передал для Веры банкноту в пятьдесят долларов, сообщив, что та спасла для него очень значимый договор с русскими партнерами, подписанный буквально за час до выезда из отеля. Девушка поняла, что деньги были вложены в папку в последний момент без его ведома и скорее всего являлись поощрительным «призом», о котором американец даже не догадывался.

– Но такое счастье бывает раз в жизни! – вздыхала она, заканчивая свой рассказ. – Наверное, увидел Бог мои слезы, послал спасение... Я тогда со всеми долгами расплатилась, мать прооперировала и сынишке кое-что осталось. Больше мне уже так не везло! Все какие-то мелочи, пустяки... Однажды вернула бриллиантовую брошку любовнице банкира из провинции, так тот даже наградных мне не выдал. Решил, наверное, что незачем тратиться, если я все равно до его жены не доберусь, ничего не расскажу. В общем, если ждать у моря погоды, здесь можно и ножки протянуть с голода... Тебе давно пора собирать с подчиненных дань. А как же?!

– Вер, как ты себе это представляешь? – опомнилась от своих невеселых раздумий Елена. – Вот сейчас я пойду и всем объявлю, чтобы сдавали мне по сто рублей в сутки? Или по двести? Сколько тут принято брать?

– Да хоть бы и по двести, – пожала плечами Вера. – С каждого ночного портье получишь, по этажам наберется тысяча двести в ночь. Горничных не имеешь права трогать, они мне сдают.

Ресторан, спа-салон, солярий и магазины – опять же не твоя стихия. Но портье – это уж как водится. Должны тебе платить. Ты их босс.

– Вера, ты мне предлагаешь заняться рэкетом. – Женщину передернуло. Больше всего ее коробил спокойный тон, которым приятельница излагала этот план. – Подходить к людям и требовать с них дань... Я не смогу. Просто не смогу, понимаешь! Я со стыда умру!

– Значит, бери через посредников. Поручи собирать хотя бы Андрею Николаевичу, с шестого, его уважают, он тут старший.

– Да на меня и так кто-то доносы катает!

– Тогда пусть хоть не зря пишут! – парировала старшая горничная. Сунув косметичку обратно на полку, она придирчиво осмотрела свой накрахмаленный передник и с треском сбила с него несуществующую соринку. – А ты плуй и делай свое дело. Хочешь, я сама договорюсь с Андреем Николаевичем? Куда это годится: взрослый человек пашет по ночам, по двенадцать часов, без выходных и праздников за какие-то жалкие пятнадцать тысяч! Мне даже стыдно об этом говорить!

Елена с трудом убедила разгорячившуюся подругу ни во что не вмешиваться. Как ни заманчива была перспектива разом утроить свой доход, причем, не унижаясь перед начальством, женщина понимала, что никогда не решится на практику поборов.

– Ты просто овца! – сердито бросила ей Вера на прощание уже в коридоре, запирая бельевую. – Никто не будет тебя слушаться, пока ты не выкрутишь всем руки! Да, это жестоко, но ведь ты ни от кого не получаешь чаевых непосредственно! И что же, мириться с тем, что мальчишка коридорный зарабатывает в несколько раз больше тебя? Или портье получает вознаграждение за то, что вызывает в номер проститутку? Да ты можешь в выходные брать с них и по пятьсот рублей в ночь, не лопнули бы, сдали! Не приживешься ты у нас!

– Сама вижу, – уныло ответила Елена.

Она сознавала, что предлагаемый выход единственный и ничего такого уж несправедливого в себе не заключает. На ее глазах служащие получали деньги от постояльцев за самые мелкие, ничтожные услуги или просто за красивые глаза и любезную улыбку. Русские гости могли оставить даже чрезмерно щедрые чаевые, иностранцы платили фиксированные суммы. Бывало, что очень богатые или знаменитые постояльцы не оставляли ничего. Историй о чаевых Елена наслушалась от Веры предостаточно. Та утверждала, что, едва клиент переступает порог номера, она уже может угадать, какой от него последует доход. Но помощнику ночного администратора чаевых никто не оставляет. Вера утверждала, что его доля входит в доход, получаемый портье и коридорными. То, что Елена до сих пор ничего не требовала, всех удивляло – по крайней мере в этом пыталась убедить ее старшая горничная.

Снова потянулась рутинная ночная смена. Занимаясь обычными делами, женщина спрашивала себя, что увлекательного она могла в них находить два месяца назад. Сделать выговор парням-коридорным, кутившим и громко болтавшим в холле второго этажа. Перевести в другой номер постояльца, недовольного шумным соседом. Деликатно поговорить с шумным соседом, улыбаясь в ответ на хамские замечания и откровенную ложь. Поругаться по телефону со службой ремонта лифтов и потребовать составить акт о гарантийной замене оборудования. Для этого пришлось около полуночи звонить инженеру по техническому оборудованию гостиницы и получать его согласие. Трубку взяла супруга инженера, которая, прежде чем позвать мужа, устроила Елене пристрастный допрос. Женщина даже не возмутилась. Она отвечала так равнодушно, таким замороженным голосом, что даже ревнивая жена сдалась.

Елена как будто наблюдала за собой со стороны, следила за всеми действиями высокой, коротко стриженной голубоглазой женщины тридцати двух лет, одетой в черную юбку, белую блузку и лиловый форменный пиджак с вышитой эмблемой отеля на нагрудном кармане. Эта женщина больше всего напоминала ей автомат, внешне обреченный на вечное движение, пустой и инертный внутри. Она думала о том, что ей никогда не стать своей в этом мире, где

принято строчить доносы и собирать дань с подчиненных. О том, что нужно завтра же утром napроситься на прием к управляющему и поставить вопрос о зарплате ребром. О том, что уже полтора часа, как наступила пятница, в субботу утром Артем ждет ее с деньгами, а взять их по-прежнему негде. У нее все сильнее начинала болеть голова и время от времени накатывала странная, отупляющая слабость. Женщина знала, что виной тому череда бессонных ночей и нервных срывов, но ее не покидало ощущение, что она серьезно заболевает.

В два часа ночи Елена спустилась в кафе на третьем этаже и заказала большую чашку кофе-латте. Она устроилась в самом углу, под протяжно шумевшим кондиционером, за столиком для курящих, хотя сама не курила. Расположившись на плюшевом круглом диванчике, она потягивала кофе, пустым взглядом уставившись в чисто вымытую фарфоровую пепельницу с эмблемой отеля. На доньшке, в крохотной лужице непросохшей воды отражалась висевшая над столиком лампа. За стойкой бара неслышно двигался бармен, красивый мужчина лет тридцати, похожий на испанского тореадора. Впрочем, он был родом из Ростова-на-Дону, как точно знала Елена, носил фамилию Козаченко и имел в родном городе жену и двух маленьких детей. Последнее обстоятельство не мешало ему любезничать с Верой, которая презирала мужской пол только в задушевных беседах с подругой.

«Скучно все про всех знать, – думала Елена, наблюдая за тающей в чашке молочной пеной. – Теряешь интерес к жизни. Если разобраться, притягательность имеет только то, что таинственно. Пока Михаил был для меня незнакомцем, способным на широкие благородные жесты, он меня очень занимал. Сейчас, узнав ему цену, я не влюблена ни капли. Вот эта ночная работа в большом отеле – сколько тайны она в себе заключала, как была похожа на мечту, на авантюру! И вот я увидела ее изнанку и думаю только о том, что жестоко просчиталась. Какое уж тут общение с интересными людьми со всех концов света! Какой там воздух дальних странствий! Я похожа на маленькую девочку, которая тайком от родителей села в автобус, надеясь, что он привезет ее в волшебную страну, а конечная остановка оказалась свалкой промышленных отходов, над которой даже чайки брезгают летать...»

Кто-то подошел к столику вплотную, и Елена подняла взгляд. Рядом стояла худенькая женщина небольшого роста, в джинсах и растянутой черной футболке. Ее голова была повязана цветастым шелковым платком, глаза прикрывали большие дымчатые очки, и все же Елена сразу узнала Александру. А узнав, не удивилась, будто ожидала встретить ее здесь.

– Вот вы где, – отрывисто произнесла художница, без приглашения присаживаясь рядом на диванчик. – А я вас везде ищу. Пришлось заказать ужин в ресторане, чтобы был повод остаться в отеле после полуночи. Здесь недешево! Я вам звонила-звонила, но вы трубку не берете.

– Вы мне звонили? – озадаченно переспросила Елена, с начала смены ни разу не слышавшая звонка своего мобильного телефона. Похлопав по карманам пиджака, она убедилась, что телефона там и вправду нет. – Наверное, я забыла вытащить мобильник из сумки, а она осталась в раздевалке. Зачем вы меня искали? Только не повторяйте того, что я уже от вас слышала прошлым утром!

– Я не собираюсь ничего повторять, – сквозь зубы проговорила Александра, тиская в руках парусиновую сумку, испачканную красками. – Просто хочу вас убедить.

– Значит, я не ошиблась!

Елена попыталась встать, но художница с неожиданной силой усадила ее на место, стиснув руку выше запястья. Женщина была так ошеломлена, что даже не вскрикнула, глядя на свою соседку по столику расширенными от боли и изумления глазами.

– Не прыгайте вы и не шумите! – прошипела Александра, порывисто открывая карман сумки и выбрасывая на плюшевый диванчик бумажный конверт, туго перетянутый резинкой. Он лег как раз между женщинами, заметить его со стороны было невозможно. – Здесь двадцать

тысяч рублей. Больше у меня просто нет! Вы мой последний шанс попасть в этот чертов номер, и я использую этот шанс, поняли? Использую или не знаю, что сделаю! Придушу вас, наверное!

Елена молча смотрела на нее, отмечая взглядом то, чего не заметила сперва.

Александра мелко дрожала, словно от холода, хотя в кафе было тепло, да и ночь для середины мая выдалась удивительно мягкой. У нее был больной, затравленный вид, и ее бледность, которая бросилась Елене в глаза при первом знакомстве, казалось, еще усугубилась.

– Для вас это так важно? – медленно, как во сне, проговорила Елена.

– Для меня больше ничего не важно в этой жизни, – мгновенно ответила та. – Если я туда не попаду, все кончено.

– Вы даете слово, что идете туда не затем, чтобы уничтожить какие-то улики? Даете гарантию, что не повредите панно и никто ничего не заметит? Вы ведь собираетесь только его осмотреть?

Александра молитвенно прижала руки к груди, будто произнося неслышную клятву. Елена в два глотка допила остывший кофе и поднялась:

– Идемте. Посмотрим, что удастся сделать.

Конверт она сунула в карман пиджака, и ей казалось в этот миг, что все немногочисленные посетители на нее глазят. На самом деле никто не обратил внимания на двух женщин, покидавших кафе. Даже бармен, перетиравший полотенцем бокалы, был поглощен трансляцией повтора футбольного матча и не отводил взгляда от экрана телевизора, висевшего под потолком в углу. Елена видела этот матч два дня назад и знала счет. Муж приучил ее смотреть футбол, а с тех пор, как этим видом спорта всерьез занялся сын, она смотрела важные матчи, подстегиваемая личным интересом, мысленно ставя на место знаменитых футболистов Артема.

Сейчас, уже на пороге кафе, у нее возникло искушение окликнуть самодовольного красавца-бармена и сообщить ему счет, испортив удовольствие. Она не сделала этого только потому, что не желала привлекать внимания. Елена понимала, что идет на преступление, причем из корыстных соображений, но эта мысль перестала ее пугать. Она вдруг поняла, как можно обойти закон в буквальном смысле.

Глава 4

Номер 616, который до вчерашнего вечера занимала немецкая супружеская пара, все еще пустовал. Елена помнила, что ей мимоходом сообщил об этом Андрей Николаевич, с которым она сегодня уже виделась. Сейчас портье, по своему обыкновению, блистательно отсутствовал. В кафе его не было, и Елена предположила, что он с приятелями уединился в каком-нибудь пустующем номере и играет в покер. Она слышала от Веры, что служащие частенько развлекаются таким образом в глухие ночные часы, и от души надеялась, что игроки выбрали не этот люкс.

Зайдя на пост портье, она своим ключом отперла ящик стола и сразу увидела в соответствующей ячейке пластиковую карту с номером 616. Подойдя к двери люкса, вложила карту в замок и, дождавшись зеленого огонька, нажала на ручку. В номере было темно и тихо.

– Заходите, – шепнула она Александре, с тревогой прислушиваясь к тишине, царившей в коридоре. Из шахты лифта донесся шум – кабина поднималась вверх. Стараясь не думать о том, что предпримет портье, случайно заметив отсутствие карточки, она буквально втолкнула в номер замешкавшуюся художницу.

Войдя следом и закрыв за собой дверь, она включила свет и указала в сторону балкона:

– В 617-й номер можно попасть оттуда. Балконы граничат. Перила невысокие, перегородка без острых деталей. Балконную дверь можно открыть снаружи, там есть кнопка. Нажмите и входите. Если не боитесь – полезайте.

Александра бросилась на балкон, но спустя полминуты вернулась с искаженным лицом:

– Слишком высоко. Неужели нельзя было впустить меня через дверь?

– Как вы могли заметить, там печати. Я не настолько в себе уверена, чтобы снять их, а потом незаметно заново приклеить. Кроме того, оба ключа, основной и запасной, унес следователь. Есть универсальный ключ у охранника, но вы ведь не хотите привлекать третье лицо?

Александра стянула с головы платок и медленно потеряла им висок, морщась, как от сильного приступа боли. Она присела на край постели, дыша тяжело, неровно, ей как будто не хватало воздуха. Елена встревожилась:

– Вам плохо? У вас нездоровый вид!

– Мне многое пришлось пережить сегодня, – глухо ответила та, уставившись на постельные цветы, вытканные по краям ковра, устилавшего пол. – Я как в кошмаре оказалась, и у меня такое чувство, что ничего не удастся сделать. Я боюсь высоты, но даже не в этом дело... Я бы справилась с этим. Мне просто страшно. Дошла до самого конца и вдруг испугалась. Почему убили этого курьера? Вы не знаете?

– Нет, а вы? – Елена подошла и села с ней рядом. Ее тоже внезапно пробрала дрожь, будто откуда-то подул стылый и застоявшимся воздухом подвала. – Вы хотя бы догадываетесь?

– Я боюсь догадываться. Боюсь предполагать.

– Вы боитесь... Значит, это может быть как-то связано с вами?

Художница сделала резкий жест, словно отталкивая неприятный вопрос:

– Не знаю, слышите, не знаю! Но почему-то же его убили? Он пробыл в Москве всего пару часов... Что за это время случилось такого, что его решили застрелить? – Александра бросала в пространство один короткий вопрос за другим, не ожидая ответов, продолжая бессознательно терзать скомканный платок. – Значит, он привез проблему с собой, как сказали бы американцы. Ведь его не ограбили, нет? Деньги целы? А личные вещи?

– Я правда никаких подробностей не знаю, – вздохнула Елена. – Говорят, сегодня шел сюжет в новостях об этом убийстве. Следователь давал интервью на фоне панно. Дело получило огласку.

– Из-за этого проклятого тщеславного мальчишки я потеряла доверие клиента! – Александра так рванула за концы платок, что шелк закрипел у нее между пальцев. – Ему, конечно, лестно сняться на фоне вещи музейного значения, порассуждать об убийстве иностранного курьера! Небось надеется прославиться, звездочку получить! А я, как только сюжет прокатился в новостях, лишилась права реставрировать это панно! Хозяин прислал мне на карточку комиссионные, а на телефон – эсэмэску с вежливым разрешением проваливать! Конечно, он не был заинтересован в огласке! Так дела не делают! Теперь панно увезут, и никто никогда его не увидит! Кому его доверят реставрировать? Что это будет за человек? Может, просто какой-нибудь ремесленник, не имевший дела со старинным дубом... Покроет все химическим лаком, чтобы красивенько блестело, зальет все мелкие детали... Все, все пропало! И главное – Цирцею могут увезти уже завтра!

Елена искренне сочувствовала женщине, видя ее страдания, из разряда моральных переходившие уже в физические. Ей были понятны обида и отчаяние, переполнявшие художницу, так безжалостно оторванную от объекта своей гордости, от удивительной находки, сделанной на аукционе. «А она еще собиралась писать диссертацию!»

– Как вы назвали панно? – переспросила Елена. – Цирцея? Я правильно поняла?

– Да, Цирцея и свиньи, – уныло подтвердила Александра. – Если помните «Одиссею» Гомера, так звали богиню, у которой на острове гостил главный герой. Эта богиня превращала мужчин в свиней... Что, в общем, и простые смертные женщины исполняют с успехом, даже без всякого волшебства.

– Так вот что это за сюжет! – обрадовалась Елена. – А я-то гадала, при чем тут свиньи, какая странная голая пастушка!

– А в каталоге панно значилось под названием «Семь смертных грехов». – Видя интерес собеседницы, художница оживилась, на миг отвлечшись от своих мрачных мыслей. – Впрочем, там все переврали. Свиней-то семь, ну, антиквар, продававший панно, и решил, что это аллегория. Якобы эти свиньи олицетворяют тщеславие, зависть, гнев, уныние, скупость, чревоугодие и расточительность. А пасет их голая девка, символизирующая весь женский пол, который, как известно, средоточие всех мыслимых грехов и соблазнов. В общем, аллегория вполне в духе Позднего Возрождения или Эпохи Просвещения, да только вымышленная от начала до конца. У меня, когда я прочитала это описание, прямо в глазах потемнело. «Семь смертных грехов» неизвестного мастера из Брюгге конца восемнадцатого века, как же! Панно из резного черного дуба, обнаженная женщина с семью свиньями – это Ван Гуизий и его знаменитая Цирцея, которую никто не мог найти после смерти мастера! Я сразу поняла, о чем идет речь. А когда на последние деньги рванула в Бельгию, осмотрела перед аукционом панно, сомнений не осталось. И понимаете, ни единая душа не подозревала, что на самом деле представляет из себя этот лот!

– Я хочу вернуть вам деньги. – Опомнившись, Елена достала из кармана перетянутый резинкой конверт и протянула его художнице. – Сама не понимаю, что на меня нашло, когда я его схватила. Затмение какое-то... Мне в данный момент очень нужны деньги, вот я и...

– Оставьте себе, – угрюмо бросила Александра. – Договорились же.

– Тогда я возьму только десять тысяч взаймы и обязательно верну!

Елена открыла конверт, торопливо достала оттуда десять купюр и сунула их в карман, а вторую половину взятки почти насильно вручила Александре. Та отправила конверт обратно в сумку с таким равнодушным видом, словно эти, по ее словам, последние деньги не имели для нее никакого значения.

– Решено, – заявила художница, сбрасывая на ковер туфли и поднимаясь. – Я полезу через балкон. Сорвусь, ну что ж? Так тому и быть.

– Вы шутите? – забеспокоилась Елена, также вскакивая. – Я же вас подстрахую, туда и обратно! Не смотрите вниз, и все получится.

– А вы удержите меня? – с надеждой спросила Александра, оглядывая собеседницу, которая была на голову ее выше.

– Будьте спокойны. Да это детская забава, мы с подружками лет в двенадцать обожали лазать по балконам! Пока нам задницы не надрали, идиоткам!

На губах Александры мелькнуло подобие бледной улыбки. Художнице было очень страшно, и она так вцепилась Елене в запястье, перекидывая ногу через перила балкона, что та с трудом удержалась, чтобы не взвизгнуть. Александра, хотя и была очень худой и невысокой, оказалась страшно неуклюжей. Она будто одеревенела, ее пришлось буквально переталкивать на соседний балкон. При этом Елена сама так сильно перегнулась через перила, что рисковала вывалиться. Наконец художница оказалась на балконе соседнего люкса. Теперь она возилась, пытаясь открыть балконную дверь. Елена, показавшая ей на примере двери номера 616, как это делается, раздраженно хмурилась, прислушиваясь к шорохам и вздохам за тонкой пластиковой перегородкой.

– Кнопка под ручкой, – прошептала она, потеряв терпение. – Нажмите и поверните ручку. Из-за перегородки показалась Александра.

– Я жму, жму... Не открывается. Заперто с той стороны.

– Кнопка затем и существует, чтобы отпереть дверь, если ее случайно заперли изнутри, из комнаты. Все предусмотрено.

– Значит, сломалась. Что делать?

– Тогда лезьте в окно! Отожмите створку и лезьте! Вы хотите туда попасть или нет?!

– Да чем отжать? – В голосе художницы слышалась паника. – Как?!

Елена вернулась в номер, огляделась и схватила с калошницы, стоявшей у входной двери, длинную латунную ложку для обуви. Вернувшись со своим трофеем на балкон, она протянула его Александре:

– Всовывайте в щель, на уровне ручки, и жмите потихоньку. Должно получиться.

– Я взломщица, по-вашему?!

– Я тоже нет, но надо же что-то делать.

Елена смолчала в ответ на язвительное предложение Александры перелезть вслед за ней и попробовать открыть окно самой, и та снова исчезла за перегородкой. Елена предвидела долгую и безуспешную возню, но художница справилась неожиданно быстро, почти мгновенно. Слабо скрипнула открываемая створка, и Александра уронила ложку, громко зазвеневшую на полу, облицованном плиткой. Потом все стихло.

Убедившись, что художница проникла в номер, Елена присела на пластиковый стульчик, стоявший на балконе, и приготовилась ждать. Ее беспокоило и странно возбуждало ощущение опасности, своей причастности к нарушению закона. Она ощущала себя как во сне, где все ценности и условности перемешались, утратив привычное значение. Можно было помочь кому-то проникнуть в опечатанный милицией номер, потому что этот «кто-то» имел больше всего прав прикоснуться к найденному им старинному сокровищу. Можно было открывать двери, которые должны оставаться закрытыми, и влезать в окна. Это все тоже было из сна, и работало по его законам.

Сощурившись, женщина смотрела на широкий освещенный проспект, видневшийся в конце переулка. Она, если выдавалась свободная минутка, любила наблюдать за ночной жизнью улицы, так непохожей на дневную. Ночью, казалось ей, все приобретало другой, особенный смысл. Вот по оранжевому от света фонарей асфальту пролетела машина с немыслимой для дня скоростью. Миг – и она скрылась за углом. Кто в ней сидит, куда торопится? Навстречу кому или чему? Счастлив этот человек или несчастен? Машина появилась в поле зрения Елены лишь на секунду, и ее странно забавляла мысль, что водитель не догадывается, что кто-то в эту секунду наблюдает за ним, думает о нем. «Ведь так всегда – мы даже понятия не имеем, что

кто-то на нас смотрит, пытается угадать наши мысли. Нам кажется, что никому мы не интересны в огромном городе, но нет, кто-то всегда смотрит на нас...»

Это тоже были особенные, ночные мысли, которые никогда не посещали Елену днем. Придвинувшись к перилам, она засмотрелась на тоненькую девушку в белом блестящем платье. Та появилась из-под козырька отеля и, громко цокая каблучками по сухому асфальту, направилась в сторону проспекта. Это была проститутка-одиночка, закончившая смену рано, в третьем часу утра. Елена успела привыкнуть к таким девушкам, мелькающим то в ресторане, то на этажах, и давно уже не испытывала стеснения, если ехала в лифте вместе с какой-нибудь из них. Ночные бабочки – часть жизни отеля, огромного здания, начиненного человеческими капризами и желаниями, которые имеют тенденцию обостряться, когда человек находится вдали от дома. И эта девушка, которая не привлекла бы ее внимания, встретиться она Елене в коридоре, теперь заняла ее мысли. Белая тонкая фигурка, неторопливо идущая по пустынной улице, была похожа на привидение, плывущее мимо спящих стеклянных витрин. «Ночью все кажется красивее, лучше, чем есть. Кажется, во всем заключена тайна. А на самом деле, это обычная усталая проститутка. Никаких тайн».

На соседнем балконе послышался шорох. Елена вскочила и перегнулась через перила, протягивая руку:

– Ну, все? Окно прикройте, не забудьте.

Однако Александра не сделала ответного движения. Остановившись прямо за пластиковой перегородкой, она шумно и порывисто вдыхала воздух и, казалось, никак не могла набрать полную грудь. Услышав эти звуки, Елена испугалась. Она уже чувствовала – что-то пошло не так, как задумано.

– Панно там нет, – глухим шепотом проговорила наконец художница. – Что же это? Вы говорили, оно в номере!

– Я так считала... – Елена почувствовала, как кровь отхлынула от щек. – Вы хорошо смотрели?

Она сама понимала, что едва ли возможно проморгать такую громоздкую вещь, и произнесла это от растерянности, а не всерьез. Вероятно, Александра сумела передать ей свой трепет перед творением Ван Гуизия, потому что Еленой овладело ощущение свершившейся катастрофы. Также (она не могла себе объяснить почему) ее мучило сознание собственной вины.

– Пожалуйста, дайте руку и перелезайте сюда, – тихо попросила Елена, едва опомнившись. – Прошу вас, не волнуйтесь заранее. Еще ничего страшного не случилось.

На соседнем балконе раздался резкий гортанный звук, похожий на хрип, который издает ворона, прочищая горло в оттепель. Затем скрипнула створка окна. Александра явно вернулась в номер, потому что больше не отвечала на отчаянный шепот своей сообщницы. И вдруг Елена, перегнувшись через перила, услышала грохот захлопнувшейся двери. Она бросилась вон из номера, едва успев закрыть балкон и на бегу схватить туфли Александры.

Ее догадка оказалась верна. Художница не стала второй раз утруждать себя лазанием через балконные перила, а вышла из 617-го номера попросту, через дверь. Для этого требовалось всего-навсего нажать дверную ручку. Изнутри замок открывался автоматически, без карточки.

Александра босиком шла к посту портье, скручивая платок в жгут на уровне груди, словно собираясь кого-то задушить. Андрей Николаевич, как назло, вернулся. Увидев женщину, вышедшую из опечатанного номера, он вскочил с кресла и поедал ее вытаращенными глазами, прижимая к уху телефонную трубку. Заметив Елену, портье округлил глаза еще больше. Он вопросительно ткнул пальцем в Александру, которая подошла к нему уже вплотную.

– Я все объясню, никуда не звоните! – Елена подбежала и, задыхаясь, вцепилась в локоть художницы свободной рукой. Другой она прижимала к груди туфли. – Сейчас что-нибудь придумаем! Обуйтесь для начала!

Александра развернулась и, сжав губы, толкнула женщину в плечо, да с такой неожиданной силой, что та покачнулась. Устоять на ногах Елене позволила только существенная разница в росте и весе с нападавшей стороной. Портье издал удивленное криканье и осторожно положил трубку на рычаг аппарата. Этот телефон обслуживал внутреннюю сеть отеля.

– Где... мое... панно? – низким угрожающим голосом обратилась к нему Александра. – Куда вы его увезли?!

– М-м-м... – Портье заглянул в регистрационный журнал, но явно для вида.

Елена понимала, что он тянет время. «Уже вызвал службу безопасности! Успел набрать по быстрой связи!» Она поспешила вмешаться:

– Андрей Николаевич, если вы уже кому-то позвонили, немедленно отмените вызов!

– А вы уверены? – Портье перегнулся через стойку, с подозрением разглядывая босые ноги художницы.

Елена раздраженно бросила на пол туфли:

– Да обуйтесь же, тут не Вудсток! Что за вид!

– Где мое панно?! – зло повторила женщина, не обращая на нее внимания. Ее лицо искажала гримаса ненависти и отчаяния. Она слегка постукивала зубами, ее колотила нервная дрожь. – Вы обязаны мне ответить, понятно?!

– Андрей Николаевич, где это несчастное панно? – через голову художницы спросила портье Елена, видя, что тот не собирается отвечать Александре. – Правда, когда его успели увезти и куда?

– Да примерно в половине одиннадцатого. – Пожав плечами с видом крайнего неодобрения, портье снова заглянул в журнал. – Приехали двое, показали бумагу из милиции, с печатью, все, как полагается. У них и ключ был. Открыли при мне номер, я убедился, что забирают только эту вещь, ну и все. Отбыли на грузовом лифте. Ключ, кстати, не вернули. Сказали, должны отдать обратно следователю, под расписку. До конца следствия.

– Кто? Кто это был?! – прохрипела художница.

– Да я откуда знаю?! – возмутился портье. – И вообще я не обязан вам отчитываться. Вы, Елена Дмитриевна, хотя и мое начальство... Как бы... Но должен вам сказать, что сегодня вы опять не блеснули. Как эта женщина попала в опечатанный номер?!

Елена оглянулась на дверь 617-го люкса. Бумажные разорванные печати теперь бросались в глаза за несколько шагов. Ведя Александру в соседний номер, она не заметила, что печати вскрыты.

– Разве номер еще считается опечатанным? – спросила она, только чтобы не молчать.

– Мало ли что? – Андрей Николаевич фыркнул и облизнулся, как кот, понюхавший горячее молоко. – Нужно иметь разрешение туда войти, а его у вас нет. Я видел, как она вышла из 617-го, а вы из 616-го номера. Что все это значит?

– Чаще играйте с друзьями в покер, вместо того чтобы сидеть на посту, вопросов появится еще больше! – парировала Елена.

– Какой покер... – начал портье, но осекся, взглянув за спину Елене.

Порывисто обернувшись, женщина обнаружила неслышно подошедшего начальника охраны. По своему обыкновению, тот прибыл не на лифте, а воспользовался служебной лестницей.

– Вот, Глеб Иванович, – с необыкновенным чувством собственного достоинства произнес портье. – У нас опять ЧП, да еще и с уголовщиной. Посторонние в опечатанном номере.

Начальник охраны бросил косой взгляд на Александру. Та, убитая последними новостями, даже не взглянула в его сторону. В данный момент женщина была занята тем, что вяло

нашупывала босой ногой туфлю, ускользящую от нее. Елена подобралась и приказала себе успокоиться.

– Во-первых, номер вскрыт, – холодно заметила она. – Во-вторых, панно оттуда вывезли. Не вижу уголовщины в том, что мы зашли на минуту...

– Так, все ясно. – У Глеба Ивановича был вид человека, скорбящего над свежей могилой лучшего друга. – Иду писать докладную. А вы... Как вас?

Таким невежливым образом он обращался к Александре, которая наконец обулась и теперь рылась в сумке. Художница достала пачку сигарет. Чиркнула зажигалкой и пустила струйку дыма в грудь начальнику охраны. Она еле доставала ему до плеча.

– Чего вам? – также неприветливо бросила художница в его сторону.

– Вы за это ответите! Что вы делаете ночью в отеле? Вы здесь не проживаете!

– Я здесь ужинала. – Александра пренебрежительно скривила губы. – Кухня у вас так себе, а цены жуткие. Не люблю Москву за это. За такие деньги я могла бы устроить банкет в лучшем кафе Мюнхена.

– Зачем вы заходили в 617-й номер?

– Даже не думала, – фыркнула та. Удивительно – Елена видела, что художница наслаждается острым моментом. Сама она с трудом унимала мелкую противную дрожь в коленях. – Еще чего!

– Я видел, как она вышла оттуда! – вмешался услужливый Андрей Николаевич.

– Мало ли, что вы видели, – с недоброй улыбкой повернулась к нему женщина. – А я отрицаю.

– Это как? – Портье, обезоруженный ее наглостью, взглянул на замершую Елену. – Что вы тут мудрите? А вы, Елена Дмитриевна, тоже будете отпираться? Я же видел вас выходящей из 616-го люкса! Как хотите, а я перед следователем за ваши делишки отвечать не собираюсь! Еще надо узнать, кто убил этого несчастного бельгийца!

Елена молчала. Отвечать правдиво она не могла и не видела в этом смысла.

Признаться в том, что взяла деньги, сознательно нарушила закон, помогла художнице проникнуть в опечатанный номер, да еще совершив при этом взлом? Глеб Иванович сделает все, чтобы ее уволить. Собственно, она уже может считать себя уволенной. Ей было так плохо, что женщина попросту не могла защищаться. Зато Александра держалась вызывающе. Оглядев мужчин, она снова выпустила дым и язвительно произнесла:

– Кто убил бельгийца? Да ведь вам, господа, лучше знать. Убили его у вас в отеле, под носом у портье... У меня-то алиби. Двое грузчиков и шофер «газели» могут назвать точное время, когда я вышла из машины и вошла в холл отеля. Уж они не ошибутся. Оплата-то им шла почасовая! Здесь, в отеле, я объяснялась с портье на первом этаже, он при мне пытался дозвониться до номера 617, не смог и разрешил мне подняться. Ну а здесь меня все время кто-то видел! Хотя бы вы!

Александра ткнула пальцем в сторону портье. Тот с кислым видом пожал плечами:

– Я не говорю, что это вы убили. Я имел в виду, что дело темное, и тут нужна осторожность.

– Кто спорит? – с видом превосходства ответила Александра. – Но я не хочу выслушивать в свой адрес глупые обвинения. Это убийство касается всех вас, но никак не меня.

– Как вы попали в номер 617? – Долго молчавший Глеб Иванович откашлялся, прочистив горло. – Кто вас туда провел? Елена Дмитриевна?

– Еще чего! – Александра ловко швырнула окурок в урну, стоявшую у дверей лифта, попав с нескольких шагов. – Мы с ней были в 616-м номере, не отрицаю. Мне срочно понадобилось в туалет после вашего замечательного ресторана, и она меня туда впустила. В 617-м мы не были. Это ему, – она кивнула на Андрея Николаевича, – померещилось. Не видите, он пьян! Нализался и ловит чертей.

– Что-о?! – взвизгнул портье.

Елена никогда не слышала у него такого высокого голоса. В тот же миг она поняла, что художница права. Теперь женщина и сама ощущала запах алкоголя, исходивший от Андрея Николаевича. Начальник охраны сделал стойку, сверля портье убийственным взглядом. Он тоже заметил состояние своего прихлебателя. Александра, издевательски усмехаясь, продолжала:

– Пьян, пьян, мне ли не знать! Пять лет была замужем за горьким алкоголиком. Лечила, не вылечила, да и похоронила. Я этот проклятый запах чую за версту! Не были мы в 617-м номере. Сейчас он еще скажет, что пломбы тоже мы порвали.

– Андрей Николаевич, – страшным голосом произнес начальник охраны, уже явно не слушая женщину, – что же вы, на рабочем месте...

– Да чтобы мне провалиться! – Тот прижал трясущиеся руки к груди. – Никогда!

– Немедленно отправляйтесь ко мне в кабинет!

– Глеб Иванович, да она же все врет! – взмолился портье. – Вышла, вышла из 617-го люкса, чтоб я помер на месте, если не так! Да вон Мамлеева сама призналась, что они туда заходили на минуточку!

Елена опомнилась наконец и заявила, что, разумеется, имела в виду номер 616. Она полностью подтвердила все, сказанное Александрой, и добавила, что, если бы Андрей Николаевич более ответственно относился к своим прямым обязанностям, уровень безопасности на шестом этаже был бы выше.

– Разве это случайность, что все неприятности происходят именно на шестом? – спросила Елена, уже чувствуя свою силу. Она была безумно благодарна художнице, так находчиво и даже агрессивно отразившей все обвинения в их адрес. – Здесь нет должного присмотра. Пост постоянно брошен, портье не найти. Если уж на то пошло, я тоже сегодня напишу по этому поводу докладную. Управляющий и так интересуется, почему я до сих пор этого не делаю. Думаю, пора начинать.

Упоминание об Игоре Львовиче, перед которым все трепетали, поставило точку в конфликте. Начальник охраны удалился, уводя с собой поникшего и разом утратившего апломб портье, пообещав прислать на пост кого-нибудь из свободных коридорных. Елена, дождавшись, когда они скроются, свернув на лестницу, с благодарностью взглянула на художницу, которая поджигала вторую сигарету.

– Спасибо. Они бы меня разорвали, если бы вы не вмешались.

– Почему вы позволяете так с собой обращаться? Не понимаю, – пожала она плечами. Одержав победу, Александра не выглядела довольной, – разом осунулась и помрачнела, вспомнив об исчезнувшем панно.

– Я держусь за это место... Многого от него ждала, надеялась переменить жизнь...

– Большие надежды чреваты крупными поражениями, – печально заметила Александра. – Я вот тоже надеялась, что моя жизнь изменится... Будь проклят тот, кто убил бельгийца! Если бы не он, я бы спокойно забрала панно, и клиент не отфутболил бы меня в последний момент... Но я еще не сдалась! Нет, не сдалась! Такую партию нельзя пожертвовать!

Она говорила будто сама с собой или с кем-то невидимым, остановившимся перед ней в мягких сумерках гостиничного холла. Елена вздохнула, нащупывая в кармане пиджака скомканные купюры.

– Мне эти деньги покоя не дают. Обещала вам помочь и ничего не сделала. Я правда могу их взять взаймы? Верну все до копейки, можете быть уверены.

– Хорошо-хорошо, – отмахнулась художница, явно думая о другом. – Я вот что тут сообщила... Увезти панно в загородный дом он не мог, там идет стройка. Кто будет охранять Ван Гуизия? Отправил на свою квартиру? Я его жену знаю, она психопатка, у нее сдвиг на чистоте.

Она не впустит ящик на свой паркет из оливы с вставками из розового мрамора. Нет, нет и нет! Значит, панно повезли к Кате...

Александра вновь пыталась убедить кого-то невидимого, забыв о стоявшей рядом женщине. На Елену эта манера речи производила жутковатое впечатление, и вместе с тем ее любопытство было раздражено. Она решила задать вопрос:

– Вы имеете в виду своего клиента?

– Его. – Женщина будто очнулась, с удивлением посмотрев на Елену. – А я что, говорила вслух?! – Она взглянула на часы и тихо охнула: – Бог ты мой, без пятнадцати четыре! Скоро рассветет!

– Торопитесь? – с сожалением спросила Елена.

Ей не хотелось терять новую знакомую, которая так резко отличалась от всех ее прежних приятельниц. Александра вызывала у нее невольное уважение и горячий интерес. Она явилась из мира, где возможно было совершать открытия, находить необыкновенные произведения искусства под личиной обыкновенных, где совсем неважно было, напишет ли на тебя докладную начальник охраны и огрызнется ли в очередной раз наглый мальчишка-коридорный, избалованный чаевыми и одинокими скучающими клиентками.

– Я вторую ночь не сплю, – проворчала художница, вытаскивая из сумки скомканный свитер и натягивая его поверх футболки. Теперь она еще больше походила на девочку-подростка. Впечатление усиливала яркая помада на губах. Александра, как ни удивительно, неудачно подобрала оттенок, этот цвет делал ее, белокожую, болезненно-бледной. – И второй раз ухожу из вашего замечательного заведения несолоно хлебавши. Прямо проклятие какое-то!

– Что же вы теперь предпримете?

Александра взглянула недоуменно, словно решая для себя вопрос, стоит ли вообще отвечать. Видя ее колебания, Елена поспешила объяснить:

– На меня это панно произвело огромное впечатление, понимаете? Я сто лет не бывала в музеях, муж и сын этим не интересуются, а я сама зашиваюсь на работе... И не мне судить, конечно, но это же музейная вещь! Я бы сразу предположила, что тут работал не простой безвестный ремесленник, даже если бы ничего об этом панно не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.